

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

758

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ
СУБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ
НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

Труды по правоведению

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK. 758 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ
СУБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ
НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

Труды по правоведению

ТАРТУ 1986

Redaktsioonikolleegium: P. Kask (esimees), P. Järvelaid,
I. Koormeister, H. Lindmäe,
E. Salumaa

Vastutav toimetaja: P. Varul

Редакционная коллегия: П. Каск (председатель),
П. Ярвелаид, И. Коолмейстер,
Х. Линдмяэ, Э. Салумая

Ответственный редактор П. Варул

О Г Л А В Л Е Н И Е

Х.В. СЕШ.	К вопросу о сущности гражданского правоотношения	4
П.П. КАСЬК.	О многосубъектности в гражданском правоотношении	19
Э.Д. ШОМ.	О правовом положении субъектов договора бытового обслуживания	30
П.А. ВАРУЛ.	Вина как субъективное основание гражданско-правовой ответственности	40
Ю.Э. РАЙДЛА.	Уполномоченный субъект обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством	52
К.Л. АНДЕСТ.	Субъекты правоотношений по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов	67
Х.А. ПИЗУКЕ.	Вопросы авторского надзора проектных организаций в стадии строительства	79
Л.И. АУВЯЭРТ; Х.Х. НОЙГЕЛЬ, М.М. ТАММ.	Некоторые правовые аспекты внедрения научно-технических новшеств	95

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Х. В. С е п п

Проблема правоотношения — одна из центральных в советском правоведении. Этой проблеме отводится значительное место как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках. Обусловлено это ролью и значением права и правового регулирования общественных отношений в развитом социалистическом обществе. Термин "правоотношение" широко используется в юридической науке, однако пока за ним не стоит строго определенное и общепризнанное понятие. Если опустить некоторые несущественные нюансы, то, по мнению большинства авторов, общественные отношения под воздействием норм права выступают как правоотношения или же облекаются в правовую форму. При этом подчеркивается, что правоотношение — это реальное общественное отношение в единстве его формы и содержания /29, с. 7/.

Некоторые авторы полагают, что правоотношение является одним из видов общественных отношений, которое возникает в результате регулирования нормами права различных общественных отношений /31, с. 92/. В литературе высказано и мнение, что правоотношение — это особый вид идеологических общественных отношений, при посредстве которых (через которые) норма права регулирует фактические общественные отношения /27, с. 22, 30, 31; 28, с. 33/. Ю.Г. Ткаченко выделяет два аспекта понятия "правоотношение" и полагает, что под термином "правоотношение" в одном случае понимаются субъективные права и юридические обязанности, а в другом — фактическое отношение, урегулированное нормами права /26, с. 96-97/.

Представляется, что исследование вопросов правоотношений требует четкого определения исходных общетеоретических положений. Проблема сущности правоотношения — это, на наш взгляд, прежде всего проблема соотношения общественного отношения и правовой нормы. Проявляется это соотношение в правовом регулировании. Но именно как таковая эта проблема не получила, на наш взгляд, достаточной разработки. В кон-

тексте этого соотношения в настоящей статье излагаются некоторые соображения относительно проблемы сущности гражданского правоотношения. Так как гражданское правоотношение выступает как один из видов правоотношений, то подход к этой проблеме предполагает рассмотрение ее с позиции общей теории правоотношения. В интересах сжатости изложения в качестве предмета гражданско-правового регулирования рассматриваются лишь имущественные отношения.

Право как совокупность правовых норм регулирует общественные отношения. Только в плоскости правового регулирования существуют правовые отношения. Поэтому определение понятия "общественное отношение" имеет важное методологическое значение для выработки и определения понятия правоотношения. Следовательно, исследование и сущности гражданского правоотношения должно начинаться с исследования сущности общественного отношения. Представляется, что в методологическом плане сущность гражданского правоотношения выводится именно из сущности самого имущественного общественного отношения, регулируемого гражданским правом. Имущественное же отношение — это, на наш взгляд, экономическое общественное отношение на уровне эмпирического познания /25, с. 45-48/.

Что же представляет собой общественное отношение, о регулировании которого идет речь в юридической науке?

Следует отметить, что сущность общественного отношения не является непосредственным предметом исследования юридических наук. Понятие общественного отношения входит в понятийный аппарат науки философии, исторического материализма. В то же время исторический материализм, в отличие от специальных наук, изучает не тот или иной вид общественных отношений, а общественные отношения в целом. Кроме того, и в философской науке пока не создано законченного учения об общественном отношении, пригодного для выявления сущности предмета правового регулирования. Поэтому в юридической науке в последнее время все больше ощущается потребность в уточнении понимания сущности общественного отношения как предмета правового регулирования. Нельзя развивать правовую науку без проникновения в сущность предмета правового регулирования. Представляется, что дискуссионность проблем, связанных с определением понятия правоотношения, во многом обуславливается именно отсутствием единого понимания сущности общественного отношения.

Произведения классиков марксизма-ленинизма — неисчер-

паемый источник научных идей и методологических положений. В них общественные отношения рассматриваются как результат (продукт) и форма человеческой деятельности /6, с. 402, 403; 8, с. 149, 424, 427/. Главное в истории общества — это именно "деятельность преследующего свои цели человека" /2, с. 102/. Без совершения человеческих действий бытие общественных отношений исключается /17, с. 9/. Человеческая деятельность как предметная деятельность /22, с. 103; 26, с. 18/ всегда протекает в определенных общественных отношениях и в то же время порождает определенные общественные отношения. Ю.Г. Ткаченко правильно, на наш взгляд, отмечает, что "общественные отношения, являясь результатом прошлой деятельности, выступают формой по отношению к возникающей, актуальной деятельности" /26, с. 82/.

Следует отметить, что общественные отношения как социальные явления лишены чувственной наглядности. Внешне они выражаются только в реальном взаимодействии людей, в их деятельности. Думается, что общественные отношения, хотя и слагаются из деятельности людей, к ней не сводятся. "Материальные отношения, — писал К. Маркс, — суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется ... материальная и индивидуальная деятельность" /6, с. 403/. В.И. Ленин рассматривал производственные отношения как "формы деятельности человека, направленной на поддержание его существования" /8, с. 149/. Следовательно, деятельность является не самим общественным отношением, а содержанием общественного отношения. Поэтому нет социально значимой деятельности вне рамок общественного отношения. Нет и общественных отношений, лишенных деятельности. Следует отметить, что именно как содержание общественного отношения деятельность рассматривается и в юридической литературе /18, с. 58, 60, 61, 63/.

Вопрос о структуре общественного отношения выходит за рамки настоящей статьи. Поэтому ограничимся здесь лишь некоторыми замечаниями, имеющими непосредственную связь с темой.

Думается, что общественные отношения имеют свою собственную структуру, то есть они как явления структурированы. Ю.Г. Ткаченко полагает, что если "носителями общественных отношений выступают субъекты, то структурой, соединяющей их в целое, являются связи, зависимости и разграничения" /26, с. 143/. Нам же представляется, что вопрос о структуре общественного отношения сводится к вопросу о структуре его содер-

хания, то есть деятельности. Не вдаваясь в подробности системного анализа деятельности, отметим, что согласно высказанным в специальной литературе мнениям деятельность имеет уровневую иерархическую структуру, где вычленяются действия и операции /16, с. 57/. "Совокупность действий и операций (поступков), направленных к единой цели, образует деятельность" /18, с. 14/. Те материальные, социальные и идеологические ценности, по поводу которых люди действуют, преследуя свои цели, остаются вне самой деятельности, а следовательно, и вне общественного отношения, содержанием которого эта деятельность является. А это означает, что объект деятельности находится вне самой деятельности и не входит в структуру общественного отношения. Вышеуказанные ценности суть нечто внешнее по отношению к деятельности и логически не могут входить в ее внутреннюю структуру. В методологическом же плане структура общественного отношения предопределяет структуру правоотношения.

В данной статье полагается, что деятельность складывается из актов поведения. Поведение - это акт взаимодействия с другими людьми и с обществом в целом /18, с. 45/.

На основе изложенного имущественные отношения рассматриваются нами как форма человеческой деятельности, складывающаяся из актов поведения по поводу материальных благ. Последние же сами всегда остаются вне имущественных отношений. Думается, что мыслительная деятельность, которая не выражается во внешнем поведении человека, вообще не регулируется правом. "Мои действия, - отмечал К. Маркс, - это единственная область, где я сталкиваюсь с законом ... попадаю под власть действующего права" /1, с. 14-15/. Правовое регулирование, в том числе и гражданско-правовое регулирование, немислимо вне поведения участников общественных отношений. Поведение же выступает как содержание этих отношений. Правовое регулирование - это нормативное воздействие права именно на уровне поведения отдельных индивидов. Поэтому представляется, что процесс правового регулирования общественных отношений - это и процесс генезиса правоотношения.

Как происходит генезис гражданского правоотношения?

Думается, что гражданско-правовое регулирование имущественных отношений осуществляется путем нормативного воздействия норм гражданского права на содержание этих отношений, то есть на поведение их участников. Нормы гражданского

права, воздействуя на поведение людей через их волю и сознание, тем самым регулируют и имущественные отношения, участниками которых выступают эти люди. Происходит это путем нормативного указания либо на требуемое, либо на допустимое поведение. Достигается это с помощью предоставления участникам имущественных отношений определенных субъективных гражданских прав и возложения на них определенных юридических обязанностей, которые определяются теми же нормами гражданского права. Вне предоставления участникам общественного отношения субъективных прав и возложения на них юридических обязанностей нормы права вообще не в состоянии регулировать общественные отношения. Поскольку право генетически и функционально связано с государством, то сущность гражданско-правового регулирования поведения участников имущественных отношений заключается в том, что с помощью норм гражданского права их поведение подвергается государственно-классовому воздействию.

В результате такого нормативного воздействия на поведение участников имущественных отношений возникает связь между ними через их субъективные гражданские права и юридические обязанности. Возникновение такой связи означает, что фактическая взаимозависимость участников имущественного отношения под воздействием права превратилась в юридическую зависимость. Следовательно, путем правового регулирования имущественных отношений государство направляет фактические взаимосвязи между их участниками в необходимое для общества русло.

Так как указанная связь всегда складывается только на основе норм права, то она всегда выступает как юридическая связь. Эта юридическая связь носит характер объективной закономерности всякого правового регулирования и к ней применимо марксистское положение: "Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав" /5, с. 13/. Права и обязанности вне такой связи лишаются юридического характера. Поэтому рассматриваемая юридическая связь всегда предполагает участие двух сторон, наделенных взаимно корреспондирующими правами и обязанностями. Следовательно, она в известной мере содержит всю программу будущего дозволенного и должного поведения и участников имущественного отношения и в этом смысле может быть рассмотрена как юридическая модель их поведения.

Представляется, что появление такой связи между участ-

никами имущественных отношений через их субъективные гражданские права и юридические обязанности дает основание говорить уже о наличии гражданского правоотношения.

Но означает ли это, что сама эта юридическая связь и является гражданским правоотношением?

Следует отметить, что некоторыми авторами правоотношение рассматривается именно как "общественная связь между лицами, характеризуемая наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства" /13, с. 82/. Отмечается, что в юридической науке понятие правоотношения призвано выражать одно - связь между субъектами через их права и обязанности /11, с. 101/. Нам же представляется, что всякое правоотношение, в том числе и гражданское, - это прежде всего общественное отношение, и как таковое оно не может быть сведено к этой юридически очерченной взаимосвязи корреспондирующих прав и обязанностей. Дело в том, что вышеуказанная юридическая связь не выступает и не может выступать как форма поведения, то есть как общественное отношение. В этой связи заключается только модель требуемого поведения участников общественного отношения. Эта модель, "индивидуализируя общую модель (норму), сохраняет качество модели, т. е. мысленного образа, но уже индивидуального" /26, с. 107/. Однако модель поведения не тождественна самому поведению. Но так как вышеуказанная юридическая связь часто трактуется как правоотношение, мы здесь снова подходим к выделенным Ю.Г. Ткаченко двум аспектам понятия "правоотношение". Рассматривая эти аспекты, С.С. Алексеев полагает, что необходимо различать правоотношение как чисто правовую связь и правоотношение как урегулированное правом общественное отношение. При этом он приходит к выводу, что высказанные Ю.Г. Ткаченко соображения о важном методологическом значении такого разграничения представляют существенный научный интерес /13, с. 96/.

В литературе иногда указывается, что в юридической науке теоретическая конструкция правоотношения выработана как раз для того, чтобы выразить связь, взаимодействие между юридическими правами и обязанностями, поскольку вне такой связи они лишаются качества юридических явлений /12, с. 118/. Представляется, что содержанием такой теоретической конструкции являются лишь субъективные права и юридические обязанности. Соответствующее или не соответствующее им по-

ведение остается вне этой конструкции. А это означает, что правоотношение сведено к взаимосвязи корреспондирующих прав и обязанностей, что оно абстрагировано от фактического общественного отношения. Хотя такая чисто теоретическая конструкция и лишена социального содержания, нельзя сказать, что она не несет никакой теоретической и практической нагрузки. Правоотношение как чисто теоретическая конструкция лежит в той же плоскости, что и другие выработанные юридической наукой теоретические конструкции (например, состав правонарушения, состав преступления и др.). Поэтому она в качестве мыслительного познавательного средства, бесспорно, помогает исследованию субъективных гражданских прав и юридических обязанностей в их диалектическом единстве и взаимодействии. Правоотношение в значении вышеуказанной юридической связи иногда обозначают термином "правоотношение в юридическом смысле" /30, с. 321/ или термином "правоотношение-модель" /26, с. 97, II6/.

Следует отметить, что при исследовании реализации прав и обязанностей в конкретном поведении участников фактических имущественных отношений такая теоретическая конструкция правоотношения уже не срабатывает. Ведь по этой конструкции имущественные отношения, будучи урегулированными правом, превращаются из формы поведения в юридическую модель поведения. Поэтому представляется верным высказанное в литературе мнение, согласно которому всякое правоотношение как отношение, отличное от фактического, — это в сущности лишь теоретическая абстракция /10, с. 137/.

В действительности и сама вышеуказанная юридическая связь не существует вне фактических имущественных отношений, участниками которых выступают субъекты этой связи. Она реализуется как юридическая модель поведения именно в поведении участников фактических имущественных отношений. Представляется, что именно при наличии такой юридической связи фактическое имущественное отношение и выступает как гражданское правоотношение.

Нетрудно заметить, что при таком подходе гражданское правоотношение не может быть рассмотрено как самостоятельное общественное правоотношение, существующее наряду с фактическим имущественным отношением. Гражданские правоотношения, как и другие правоотношения, не входят в качестве самостоятельного элемента в систему общественных отношений. Поэтому нельзя признать безупречным высказанное в литерату-

ре мнение, согласно которому правоотношение как особого вида идеологическое отношение создается нормой права в целях урегулирования общественного отношения и существует наряду с ним как посредствующее звено /27, с. 22, 30, 31/. Такая точка зрения подвергнута обоснованной критике /15, с. 39; 32, с. 70/. Думается, что нет достаточных оснований усматривать в возникновении идеологических отношений механизм, принципиально отличный от механизма появления других общественных отношений. Не право, а люди порождают все общественные отношения. Нельзя не отметить, что рассмотрение правоотношения в качестве регулятора общественных отношений приводит, на наш взгляд, к стиранию качественных различий между нормой права и правоотношением. Трудно представить себе существование наряду с правоотношением какого-то иного общественного отношения, регулируемого этим правоотношением.

Общественное отношение является, как отмечалось выше, результатом и формой деятельности. В литературе правильно, на наш взгляд, указывается, что с помощью права существующие виды деятельности подвергаются государственно-классовому воздействию. Но в то же время сама деятельность, на которую направляется это регулирование, правового характера не носит /26, с. 31/. Следовательно, не существует и каких-либо общественных отношений, которые как форма такой деятельности являлись бы только правовыми. А это означает, что вообще не существует и правовых в собственном смысле отношений. Существует лишь правовой способ регулирования реальных общественных отношений /26, с. 102/. Д.Г.Ткаченко справедливо отмечает, что называя общественные отношения правоотношениями, мы даем не содержательную, а лишь функциональную характеристику общественного отношения /26, с. 101/.

Вышеизложенный подход к гражданскому правоотношению как к урегулированному правом реальному имущественному отношению не согласуется с часто встречающимся в литературе мнением, согласно которому все правоотношения относятся к идеологическим отношениям.

Думается, что право и правоотношения - явления разноплоскостные. Нельзя не отметить, что в литературе последних лет встречаются новые подходы к изучению сущности правоотношения, связанные с переосмыслением некоторых десяти лет повторяющихся и ставших привычными представлений теории правоотношений. Так, в литературе правильно, на наш взгляд, указывается, что и после правового регулирования общест-

венные отношения не меняют своего характера и остаются либо экономическими, либо политическими, либо духовными /26, с. 93/. В своем реальном бытии правоотношение может быть идеологическим, а может быть и материальным отношением /14, с. 9; 29, с. 92/.

По вышеизложенным соображениям именно такой методологический подход к исследуемой проблеме представляется плодотворным и перспективным направлением в разработке общей теории правоотношения. Он не противоречит, по нашему мнению, и основополагающему положению марксизма, касающемуся изучения права: "... Правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, ... что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях..." /4, с. 6/, и что "... каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т.д." /3, с. 714/. В литературе правильно, как нам представляется, указывается, что К.Маркс, говоря в этих и в некоторых других произведениях о правовых отношениях, имеет в виду не правоотношение в исследуемом в специальной юридической литературе значении, а само право /23, с. 29-30; 20, с. 3; 24, с. 15; 19, с. 50/. Поэтому мы полагаем, что в вышеупомянутых положениях марксизма отражается именно материальная обусловленность как права, так и государства, то есть их обусловленность производственными отношениями. Характеризуя такую обусловленность гражданского права, Ф. Энгельс писал: "Если государство и государственное право определяется экономическими отношениями, то само собой понятно, что теми же отношениями определяется и гражданское право..." /7, с. 311/.

На основании вышеизложенного напрашивается вывод, что гражданское правоотношение — это общественное отношение, урегулированное нормами гражданского права /32, с. 70/. Из такого определения следует, что гражданское правоотношение не является каким-то самостоятельным видом общественных отношений, относящимся к идеологическим отношениям и выступающим наряду с фактическим имущественным отношением. Оно является самым имущественным отношением, урегулированным нормами гражданского права. Гражданское правоотношение по-является не на пустом месте и не представляет собой какой-либо правовой вид общественных отношений. Не является оно и каким-то особым идеологическим отношением. В гражданском

правоотношении имеет место опредмечивание норм гражданского права, в результате чего участники имущественного отношения выступают как носители субъективных гражданских прав и обязанностей. Эти права и обязанности направлены на те материальные блага, по поводу которых и складывалось соответствующее имущественное отношение. Но, как отмечалось выше, сами эти блага остаются вне имущественных отношений и в их структуру не входят.

Выступают ли они объектом гражданского правоотношения?

Следует отметить, что вопрос об объектах гражданских правоотношений является одним из самых спорных в советской цивилистической науке /31, с. 99/. В философии объект определяется как внешний предмет, противостоящий субъекту, на который направляется сознание и деятельность человека. Поэтому представляется, что вышеуказанные материальные блага выступают объектом именно субъективных гражданских прав и обязанностей, но не объектом самого гражданского правоотношения.

В литературе высказано мнение, согласно которому объект субъективного права является в то же время и объектом самого правоотношения, так как главное место в правоотношении принадлежит субъективному праву /9, с. 291/. Если же при таком подходе рассматривать объект правоотношения как один из его структурных элементов, то вряд ли можно согласиться с утверждением, согласно которому "... под объектом правоотношения следует понимать то, на что правоотношение воздействует" /31, с. 100/. В таком случае один и тот же объект существует одновременно и в рамках правоотношения в качестве его структурного элемента, и вне рамок правоотношения в качестве предмета, на который правоотношение воздействует. А это означает, что правоотношение воздействует ... на один из его элементов.

Рассмотрение же материальных благ в качестве объекта лишь субъективных гражданских прав и юридических обязанностей к таким противоречиям не приводит. Субъективные гражданские права и юридические обязанности действительно входят во внутреннюю структуру гражданского правоотношения. Их объект же всегда представляет собой нечто внешнее применительно к гражданскому правоотношению.

Поэтому необходимо, на наш взгляд, отказаться от распространенного в литературе взгляда на объект как внутренний структурный элемент гражданского правоотношения. В этой

связи мы полностью разделяем точку зрения, согласно которой традиционный подход к трактовке элементов правоотношения явно не согласуется с теорией структур /II, с. 101/.

В последнее время в литературе встречается правильное, как мы полагаем, суждение, что объект вообще не выступает как внутренний структурный элемент гражданского правоотношения /29, с. 212; 21, с. 50/. Здесь происходит выход цивилистической науки за рамки традиционных подходов к старым проблемам.

Гражданское правоотношение и нормы гражданского права, хотя и взаимосвязаны, но лежат в совершенно разных плоскостях. Поэтому мы не разделяем и точки зрения тех авторов, которые полагают, что объектом правоотношения является само общественное отношение /28, с. 35/. Трудно представить, что общественное отношение входит во внутреннюю структуру правоотношения в качестве его элемента.

Гражданское правоотношение часто рассматривается одновременно и как урегулированное гражданским правом общественное отношение, и как правовая форма такого общественно-го отношения. При этом часто указывается, что поскольку гражданское правоотношение есть общественное отношение, которое выступает в правовой форме, установленной по воле государства, постольку оно и может быть охарактеризовано как идеологическое отношение /32, с. 70/.

С.С. Алексеев полагает, что правоотношения "входят в юридическую надстройку именно (и только) как форма реальных отношений..., причем правоотношения в силу единства юридической формы и материального содержания являются здесь своего рода звеном между базисом и надстройкой" /13, с. 91/.

Представляется, что урегулированное правом фактическое общественное отношение не может выступать правовой формой самого себя. Д.К. Толстой правильно, на наш взгляд, отмечает, что если правоотношение выступает в качестве юридической формы лежащего в его основе фактического общественного отношения, то нельзя определить правоотношение как само это фактическое общественное отношение, регулируемое нормами права /28, с. 32/.

Думается, что и в проблеме существования гражданского правоотношения как правовой формы имущественного общественного отношения преломляется проблема соотношения права и общественного отношения. Как уже отмечалось, право регулирует общественные отношения путем нормативного воздействия

на содержание этих отношений, то есть на поведение их участников. Следовательно, правоотношение выступает как определенная стадия развития общественных отношений в классовом обществе. Представляется, что в этой стадии развития общественные отношения действительно облекаются в правовую форму. Но данная правовая форма общественного отношения не является правоотношением. Дело в том, что правовая форма общественных отношений, в том числе и имущественных, внешне всегда проявляется только через субъективные права и юридические обязанности их участников. Принадлежащие же последним права и обязанности выступают в виде вышеуказанной юридической связи. Следовательно, правовая форма общественных отношений сводится к этой юридической связи. Как отмечалось выше, такая юридическая связь, лишенная поведения, не является общественным отношением. Для существования она сама нуждается в общественном отношении. Последние же становятся правовыми в силу именно того, что включает такую юридическую связь, которая выступает как нормативно-правовой элемент урегулированного правом общественного отношения. Но такая юридическая связь, не являясь общественным отношением, не может быть отнесена ни к идеологическим отношениям, ни к правоотношениям. Как правоотношение такая юридическая связь может быть интерпретирована лишь в смысле вышеизложенной теоретической конструкции, лишенной социального содержания и обозначенной термином "правоотношение-модель".

В признании же за вышеуказанной юридической связью качества гражданского правоотношения явно проявилась бы тенденция не выходить за рамки юрико-догматической трактовки проблемы правоотношения. Познавательная ценность понятия "правоотношение" в сложившемся понятийном аппарате юридической науки выражается, по нашему мнению, именно в том, что посредством его анализ правового регулирования общественных отношений выходит за пределы формально-логической интерпретации субъективных прав и юридических обязанностей их участников, то есть охватывает не только субъективные права и обязанности, но и соответствующее или не соответствующее им поведение. Именно поведение — это выход понятия "правоотношение", в том числе и понятия "гражданское правоотношение", в сферу реальных общественных отношений. Думается, что именно такой инструментальной ценностью располагает понятие правоотношения как урегулированного правом об-

дественного отношения. В настоящее время правоотношение в этом значении часто обозначают термином "правоотношение-отношение" /26, с. II6/ или термином "правоотношение при его широкой трактовке" /13, с. 99/.

Рассматривая и гражданское правоотношение в этом значении, мы выходим за пределы чисто юридического анализа субъективных гражданских прав и юридических обязанностей. Поэтому такое понятие гражданского правоотношения будет стимулировать развитие методологии познания гражданского права в динамике реальных имущественных отношений и тем самым углубляет наши представления о гражданско-правовом регулировании этих отношений, то есть расширит и познавательный потенциал науки советского гражданского права. Совсем иное дело, если под термином "гражданское правоотношение" понимается не урегулированное правом имущественное отношение, а вышеизложенная чисто теоретическая конструкция, отделенная посредством научной абстракции от реального имущественного отношения и обозначенная термином "правоотношение-модель". Но формально-юридический подход к разработке определения понятия гражданского правоотношения явно не соответствует наблюдаемому в цивилистической науке поиску путей тесной интеграции научной мысли с практикой реализации норм советского гражданского права в поведении людей.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. I.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 2.
3. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. I2.
4. Маркс К. К критике политической экономии: Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. I3.
5. Маркс К. Временный устав товарищества // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. I6.
6. Маркс К. Павлу Васильевичу Анненкову в Париж // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 27.
7. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 2I.
8. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. - Т. I.

9. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права. - М.: Дрид. лит., 1960.
10. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. - М.: Дрид. лит., 1966.
11. Алексеев С.С., Яковлев В.Ф. [Рецензия] // Правоведение. - 1976. - № 1. - Рец. на кн.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. - М.: Дрид. лит., 1974. - 348 с.
12. Алексеев С.С., Матузов Н.И., Фарбер И.Е. [Рецензия] // Правоведение. - 1977. - № 4. - Рец. на кн.: Явич Л.С. Общая теория права. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. - 286 с.
13. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. - М.: Дрид. лит., 1982. - Т. 2.
14. Алоян А.С. Производственные отношения как правовые отношения // Вопросы гражданского права и процесса / Под ред. В.В. Черепашкина. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.
15. Ананьева И.К. О теории субъективного права в юридической литературе // Уч. зап. Тарт. ун-т. - 1970. - Вып. 264.
16. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
17. Ерошенко А.А. Правовая регламентация гражданского состояния в СССР: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. - Л., 1980.
18. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. - М.: Дрид. лит., 1978.
19. Лапаева В.В. Вопросы права в "Капитале" К. Маркса. - М.: Дрид. лит., 1982.
20. Мамут Л.С. Вопросы права в "Капитале" К. Маркса: К столетию со дня издания I тома // Сов. государство и право, 1967. - № 12.
21. Невзгодина Е.Л. Объект гражданского правоотношения // Проблемы совершенствования гражданского правового регулирования. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982.
22. Перфильев М.Н. Общественные отношения. - Л.: Наука, 1974.
23. Пионтковский А.А. К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного права // Сов. государство и право. - 1958. - № 5.
24. Розин Э.Л. Проблемы права в "Немецкой идеологии" // Правоведение. - 1976. - № 5.
25. Сепи Х.К. К вопросу о сущности имущественных отношений: Методологический аспект // Задачи юридических наук в свете решений XXVI съезда КПСС: Тез. научн. докл. - Тарту, 1982.
26. Ткаченко Д.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. - М.: Дрид. лит., 1980.
27. Толстой В.К. К теории правоотношения. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959.

28. Толстой Д.К. Еще раз о правоотношении//Правоведение. - 1969. - № 1.
29. Хажина Р.О. Общее учение о правоотношении.- М.: Юрид. лит., 1974.
30. Теория государства и права:Учебник/Под ред. А.И.Васильева. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юрид. лит., 1983.
31. Советское гражданское право: Учебник/Под ред.В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. - М.: Юрид. лит., 1979. - Т. 1.
32. Советское гражданское право: Учебник/Под ред. В.Т.Смирнова, Д.К. Толстого, А.К. Орленко. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. - Ч. 1.

О МНОГОСУБЪЕКТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВООТНОШЕНИИ

П. П. К а с ь к

Теоретические проблемы правоотношения, в том числе и гражданского, будучи фундаментальными в правоведении, привлекают постоянное внимание наших правоведов. Из традиционных элементов правоотношения — субъектов, объектов и содержания — более детально анализу подвергались два последних, обуславливая тем самым и появление дискуссионных положений в этой области. Зато положения, связанные с субъектами правоотношения, являются менее дискуссионными или даже общепризнанными. Это касается и гражданского правоотношения. В данной статье делается попытка анализировать одно такое, на первый взгляд, бесспорное положение — положение о многосубъектности гражданского правоотношения.

В гражданском правоотношении, как и в любом другом правоотношении, всегда участвует не менее двух субъектов. Это безусловное обстоятельство вытекает из самой сущности общественного отношения, которое представляет собой определенную связь между людьми и коллективами людей (в гражданском обороте в виде юридических лиц и государства). В этом смысле каждое гражданское правоотношение не одно-, а многосубъектное. Однако в науке гражданского права принято говорить о многосубъектности правоотношения в ином смысле — имея в виду множественность либо обязанных, либо управомоченных субъектов или обоих этих субъектов правоотношения. Так, признаком абсолютных гражданских правоотношений считается множественность обязанных субъектов, число которых не определено. О множественности управомоченных субъектов говорится обычно в связи с правоотношением общей собственности и с обязательством с двумя или несколькими кредиторами. Не исключается одновременная множественность обязанных и управомоченных субъектов, например, в обязательстве с двумя или несколькими кредиторами и должниками. В сложных правоотношениях многосубъектность связывается также с обеими сторонами правоотношения. Такое понимание многосубъектности в гражданском правоотношении общепризнано, и обосно-

ванность его в специальной литературе до сих пор не вызвала сомнений.

Однако основания для сомнений в обоснованности такого понимания имеются. Возникают они в связи с вопросом: имеем ли мы во всех перечисленных случаях дело с множественностью субъектов в рамках одного гражданского правоотношения или иногда эти субъекты выступают по одному в двух или нескольких правоотношениях, возникающих на основании одного юридического факта или юридического состава? При правильности второго варианта вышеуказанное понимание многосубъектности в гражданском правоотношении существенно изменится — взамен одного общего многосубъектного гражданского правоотношения часто выступают два или несколько отдельных правоотношений. Поэтому на анализ этих вариантов множественности субъектов гражданского правоотношения и направлена данная статья.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно прежде всего установить критерии, при помощи которых стало бы возможным разграничить множественность субъектов в рамках одного и разных гражданских правоотношений. Это в свою очередь требует ознакомления с конкретными возможными вариантами наличия множественности субъектов гражданского права.

Среди гражданских правоотношений центральное место занимает правоотношения собственности. Они возникают в ходе правового регулирования отношений собственности /1, с. 334-339; 2, с. 29-38/. Отношения собственности и правоотношения собственности соотносятся между собой так же, как базис и надстройка. Это значит, что отношения собственности первичны, они определяют характер и особенности правоотношения собственности, в том числе и особенности субъектного состава последнего. Поэтому нас прежде всего интересуют отношения собственности.

Если имущество (вещь) принадлежит одному лицу (собственнику), то по поводу этого имущества существуют связи между собственником и всеми другими лицами (несобственниками). Эти взаимные связи, выражающиеся в активном поведении собственника и в пассивном поведении несобственника, в совокупности рассматриваются в качестве одного общественного отношения — отношения собственности /3, с. 23-24; 4, с. 14/.

С таким пониманием следует согласиться, ибо из всех субъектов представленных связей в качестве активного субъекта выступает только один, отношение которого ко всем пас-

сивным субъектам является одинаковым и выражается во владении, пользовании и распоряжении имуществом. Одинаковыми являются и отношения всех пассивных субъектов к активному, что выражается в воздержании от вмешательства во владение, пользование и распоряжение имуществом со стороны последнего. Взаимные однородные связи между одним активным субъектом (собственником) и всеми пассивными субъектами (несобственниками) образуют единое общественное отношение, то есть отношение собственности. В качестве фактора, соединяющего эти взаимные связи в одно общественное отношение, в данном случае выступает активное поведение собственника. Именно от его активного поведения зависит существование, изменение или прекращение отношения собственности, в то время как поведение одного или нескольких несобственников аналогичного влияния не оказывает.

В ходе правового регулирования отношений собственности возникает такое же количество правоотношений собственности. В каждом из них — один управомоченный субъект (собственник) и неопределенный круг обязанных субъектов (несобственников). Такая структура субъектов правоотношений собственности вытекает из субъектного состава лежащих в их основе отношений собственности. Собственнику как управомоченному субъекту принадлежит юридически обеспеченная возможность самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом и требовать соответствующего поведения от всех других лиц: на несобственников как на обязанных лиц возложена юридическая обязанность воздерживаться от вмешательства собственника во владение, пользование и распоряжение своим имуществом.

Таким образом, в правоотношении собственности, как в одном из видов гражданского правоотношения, мы имеем дело с множественностью обязанных субъектов.

Сложнее, если имущество (вещь) принадлежит одновременно двум или нескольким лицам (общим собственникам), поскольку по поводу этого имущества существуют связи между общими собственниками и всеми другими лицами (несобственниками), а также между самими общими собственниками. Эти взаимные связи в совокупности рассматриваются также в качестве одного общественного отношения — отношения общей собственности. Правда, прямые утверждения о такой природе материального отношения общей собственности отсутствуют, но судя по публикациям, в которых вопросы права общей собст-

венности исследуются в плоскости субъективного права или правоотношения, господствует представление об одном отношении общей собственности, если имущество принадлежит одновременно двум или нескольким лицам /5, с. 5, 9; 6, с. 88-89; 7, с. 12, 34/. Иначе не может быть речи о делении субъективного права общей собственности на доли, а также о существовании одного правоотношения общей собственности, охватывающего все правовые связи между общими собственниками и несобственниками при одном общем имуществе.

С таким пониманием об отношении общей собственности трудно согласиться. Если проследить действительный характер связей общих собственников и несобственников по поводу общего имущества, то нетрудно заметить, что каждый общий собственник состоит в определенных связях, во-первых, со всеми несобственниками, и, во-вторых, со всеми другими общими собственниками того же имущества. Характер этих связей различен. В связях с несобственниками общий собственник выступает как активный субъект, его отношение к ним выражается во владении, пользовании и распоряжении общим имуществом. Отношение несобственников, круг которых неопределен, к общему собственнику выражается в пассивном поведении - в воздержании от вмешательства во владение, пользование и распоряжение имуществом со стороны последнего. Следовательно, связи между одним общим собственником и несобственниками имеют абсолютный характер. В связях с другими общими собственниками один общий собственник выступает одновременно в качестве как активного, так и пассивного субъекта. Его отношение к ним выражается, во-первых, во владении, пользовании и распоряжении общим имуществом и, во-вторых, в воздержании от вмешательства во владение, пользование и распоряжение тем же общим имуществом со стороны других общих собственников. Отношения других общих собственников, круг которых всегда определен, к этому общему собственнику выражаются в таком же активном и пассивном поведении. Следовательно, взаимосвязи одного общего собственника с другими общими собственниками имеют относительный характер.

Какие обстоятельства говорят в пользу того, что в данном случае все связи, в которых находятся общие собственники с несобственниками и между собой, образуют в совокупности одно отношение общей собственности? Единственным обстоятельством, рассматриваемым в этом плане, является то, что все связи существуют по поводу одного и того же имущества,

что объектом этих связей выступает одно общее имущество. Тут возникает новый вопрос: чем определяется количество отношений собственности — количеством субъектов или объектов общественных связей? Поскольку отношение собственности является совокупностью связей не между субъектами и объектами, а между самими субъектами, постольку соединяющим фактором этих общественных связей в одно или несколько отношений собственности является не объект, а количество субъектов рассматриваемых связей. Думается, что в качестве таких субъектов могут выступать лишь активные субъекты, то есть собственники и общие собственники¹. Пассивные же субъекты, то есть несобственники, таким качеством, цементирующим общественные связи в одно общественное отношение, не обладают (по причинам, указанным выше в связи с отношением индивидуальной собственности). Значит, если имущество принадлежит одному лицу (собственнику), то существует одно индивидуальное отношение собственности; если то же самое имущество принадлежит одновременно двум или нескольким лицам (общим собственникам), то существует столько же отношений общей собственности, сколько имеется общих собственников на это имущество /В, с. 3-28/.

В ходе правового регулирования отношений общей собственности возникает и соответствующее количество правоотношений общей собственности. В каждом из них субъективному праву одного субъекта (общего собственника) корреспондируют обязанности неопределенного круга несобственников и определенного круга других общих собственников. Субъективное право общего собственника состоит в юридически обеспеченной возможности владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом и требовать соответствующего поведения от обязанных лиц. Юридическая обязанность последних двояка — на несобственниках лежит пассивная обязанность воздерживаться от вмешательства в сферу поведения общего собственника, на других общих собственниках лежит, кроме такой же пассивной обязанности, и обязанность совершать определенные позитивные действия, соответствующие общему владению, пользованию и распоряжению имуществом (ст.ст. 121 и 122 ГК Эст. ССР, ст.ст. 117 и 118 ГК РСФСР).

¹ Считается, что определенные элементы пассивного поведения у общих собственников не меняют их характер как активного субъекта, особенно по сравнению с несобственниками как пассивными субъектами.

Следовательно, в правоотношении общей собственности так же, как и в индивидуальном правоотношении собственности, мы имеем дело с множественностью субъектов лишь на обязанной стороне. Наличие двух или более общих собственников при одном общем имуществе означает множественность управомоченных субъектов, которые находятся по одному в двух или нескольких правоотношениях общей собственности.

Другой основной вид гражданского правоотношения - обязательство - характеризуется тем, что оно возникает в ходе правового регулирования отношений в связи с обменом (переходом) между субъектами уже распределенных материальных благ /9, с. 357-358; 10, с. 334-339/. Простейший вариант обязательства - юридическая связь между двумя субъектами - кредитором и должником. Но общепризнано, что в обязательстве на обеих сторонах может выступать одновременно два или несколько субъектов (кредиторов и должников), причем общее количество субъектов в обязательстве всегда точно определено. Определенность связанных субъектов и придает обязательству относительный характер, отличает его от абсолютных правоотношений.

В зависимости от количества обязанных субъектов, от характера их обязанностей и способа их соединения с управомоченными субъектами различаются конкретные варианты множественности обязанных субъектов в обязательстве.

Начнем их рассмотрение с варианта, при котором одному кредитору корреспондируют два или несколько должников с одинаковой пассивной обязанностью воздерживаться от определенной деятельности. В основе такого обязательства лежит материальное общественное отношение обмена, которое по субъектному составу во многом сходно с индивидуальным отношением собственности, лишь количество пассивных субъектов тут определено. Аналогично отношению собственности и в этом случае взаимные связи между активным субъектом и всеми пассивными субъектами образуют одно единое общественное отношение, притом фактором, объединяющим эти связи, является опять-таки поведение активного субъекта. В ходе правового регулирования такого общественного отношения возникает правоотношение (обязательство) с одним управомоченным субъектом (кредитором) и со множественностью обязанных субъектов (должников).

Дело в принципе не изменится, если одному кредитору корреспондируют активные обязанности двух или нескольких

должников. Существующие взаимные связи соединяются и здесь в одно общественное отношение благодаря активному субъекту, требующему от всех других субъектов определенного поведения, и в ходе правового регулирования опять возникает обязательство со множественностью обязанных субъектов (должников).

При правовом регулировании отношений обмена в силу юридического факта (состава) могут возникать не только обязанности, но также субъективные права у двух или нескольких лиц. В таких случаях и говорится, аналогично множественности должников, о множественности кредиторов в обязательстве. Для проверки правильности этого тезиса попытаемся выяснить сущность отношения обмена, лежащего в основе обязательства "со множественностью кредиторов". Из соответствия базисных и надстроечных явлений вытекает, что множественности кредиторов в обязательстве должна соответствовать такая же множественность субъектов в материальном отношении обмена. Но существует ли в действительности такая множественность субъектов в отношении обмена?

Если требованиям двух или нескольких лиц по обмену корреспондирует пассивное или активное поведение одного, двух или нескольких лиц, то это значит, что между ними существуют общественные связи. Но образуют ли эти связи одно или несколько отношений обмена? Здесь мы сталкиваемся снова с вопросом, какое обстоятельство определяет количество общественных отношений? Ранее, при анализе отношений общей собственности, мы пришли к выводу, что таким обстоятельством является не объект, а субъекты рассматриваемых связей. Принцип, по которому количество общественных отношений определяется количеством субъектов соответствующих связей, имеет общий характер и действует также при отношениях обмена. Но какие именно субъекты обладают качеством соединения общественных связей в одно общественное отношение? Все субъекты таким качеством явно не обладают, это означало бы существование общественных отношений обмена почти в равном количестве с субъектами этих отношений. Но в действительности это не так, поскольку для существования одного общественного отношения нужно не менее двух субъектов. Значит, соединяющими общественные связи в одно отношение обмена субъектами выступают либо субъекты, требующие определенного поведения от других, либо субъекты, выполняющие это требование, либо часть из них.

При принадлежности имущества одновременно двум или нескольким лицам соединяющими общественные связи в одно отношение общей собственности субъектами являются общие собственники, то есть активные субъекты, которые кроме владения, пользования и распоряжения общим имуществом требуют от корреспондирующих им лиц соответствующего пассивного поведения. Если при одном объекте обмена два или несколько активных субъектов требуют от корреспондирующих субъектов определенного поведения, то возникает аналогичное общей собственности положение, особенно если такому требованию корреспондирует пассивное поведение. Активные субъекты, требующие определенного поведения от корреспондирующих (выполняющих) субъектов, в обоих случаях имеют решающее значение - их отказ от требования означает, что соответствующие общественные связи между указанными субъектами не возникают, или уже существующие связи прекращаются. Отказ корреспондирующих субъектов от выполнения предъявленного им требования аналогичных результатов не принесет. Отпадение требующего выполнения субъекта (смерть гражданина, ликвидация юридического лица) означает отпадение всех его связей с корреспондирующими субъектами. Отпадение одного (из двух или нескольких) выполняющего требование субъекта не принесет того же результата между другими субъектами. Сказанное позволяет сделать вывод, что объединяющим общественные связи в одно отношение обмена выступают субъекты, требующие определенного поведения от корреспондирующих субъектов. Такой вывод означает, что если при одном объекте обмена требованиями двух или нескольких лиц корреспондирует пассивное или активное действие одного, двух или нескольких корреспондирующих лиц, то между ними существует столько же отношений обмена, сколько имеется при этом объекте требующих субъектов. И далее - в ходе (в результате) правового регулирования отношений обмена возникает и соответствующее количество обязательств. В каждом из них субъективному праву управомоченного субъекта (кредитора) корреспондирует обязанности одного, двух или нескольких обязанных субъектов (должников).

Следовательно, и в этом варианте обязательства мы имеем дело с множественностью субъектов лишь на обязанной стороне. Наличие двух или более кредиторов при одном объекте обмена означает множественность управомоченных субъектов, которые находятся по одному в двух или нескольких обяза-

тельствах.

До сих пор мы рассматривали варианты обязательств, в которых на одной стороне в качестве субъекта выступает кредитор, а на другой — должник (должники). Но в жизни чаще бывает случаи, когда кредитор в то же время является должником, а должник (должники) — кредитором (кредиторами). Другими словами, все субъекты обязательства являются одновременно и управомоченным, и обязанным. Спрашивается: применим ли здесь принцип образования обязательств по управомоченным субъектам? Ответ должен быть, на наш взгляд, положительным. Вытекает это из принципа образования материального отношения между субъектами, требующим и выполняющим требование определенного поведения. Поскольку в данном случае такими субъектами выступают одновременно все участники обмена, постольку неточно говорить отдельно о требующих и о выполняющих субъектах. Каждый субъект обмена, требуя определенного поведения от корреспондирующего (корреспондирующих) субъекта (субъектов), соединяет возникающие из этого действия взаимные связи в одно отношение обмена и, выполняя в то же время предъявленное ему корреспондирующим субъектом (субъектами) требование, участвует в другом (в других) отношении (отношениях) обмена. Значит, материальное отношение обмена возникает в зависимости от количества субъектов, требующих определенного поведения, а обязательственные правоотношения — от количества управомоченных субъектов.

Таким образом, в случаях, когда субъекты гражданского права выступают при одном акте обмена в отношении друг друга одновременно в качестве кредитора и должника, существует не одно, а столько же обязательств, сколько из этих субъектов имеют право требования определенного поведения от других субъектов. В каждом обязательстве — один управомоченный субъект, ему корреспондируют другие субъекты со своими обязанностями. Будучи в широком плане одновременно кредиторами и должниками, в конкретном обязательстве выступает лишь один из них кредитором, а остальные — должниками. Итак, и тут имеет место множественность субъектов лишь на обязательной стороне гражданского правоотношения.

Аналогично правоотношению собственности и обязательственному правоотношению множественность субъектов лишь на обязательной стороне встречается и в авторских и изобретательских правоотношениях, а также в правоотношениях на открытие

и в наследственных правоотношениях. Поскольку последние правоотношения целиком не включаются ни в круг абсолютных, ни в круг относительных правоотношений, постольку при исследовании их применяется методика исследования как абсолютных, так и относительных правоотношений. В результате такого исследования может быть сделан вывод, что при наличии двух или нескольких авторов, новаторов или наследников при одном творческом объекте или наследственном имуществе^I возникает не одно, а столько правоотношений, сколько имеется управомоченных субъектов. Правомочиям единственного управомоченного субъекта и в этих правоотношениях корреспондируют обязанности всех других лиц, в том числе и других общих авторов, новаторов и наследников. Часть этих правомочий имеет абсолютный характер, им корреспондируют обязанности всех остальных лиц (например, правомочие соавторства); другая часть - относительный характер, им корреспондируют обязанности не всех, а определенного круга других лиц (например, правомочие получать вознаграждение за изобретение). Эти правомочия, имеющие двойкий характер, и корреспондирующие обязанности в совокупности и составляют гражданское правоотношение, которое по субъектному составу в принципе аналогично правоотношению общей собственности.

Описанная структура субъектного состава характерна для всех гражданских правоотношений, возникающих в ходе (результате) правового регулирования общественных отношений, при которых по поводу одного объекта выступают два или несколько требующих от других определенного поведения субъектов. Хотя эти лица как управомоченные субъекты находятся по одному в разных правоотношениях, они связаны взаимными правами и обязанностями и поэтому зависят друг от друга. Это обстоятельство дает основание называть этих субъектов "общими субъектами", а соответствующие правоотношения "общими гражданскими правоотношениями" для ограничения их от индивидуальных гражданских правоотношений, в которых управомоченный субъект не зависит в том смысле от управомоченных субъектов других правоотношений.

Такая конструкция многосубъектности гражданского правоотношения создает предпосылки для заканчивания полемики вокруг вопроса, возможно ли деление субъективного права в рам-

^I Для обозначения названных субъектов целесообразно употреблять термины "общие авторы", "общие новаторы" и "общие наследники".

ках одного гражданского правоотношения между двумя или несколькими управомоченными субъектами. Поскольку в каждом гражданском правоотношении имеется только один управомоченный субъект, постольку отсутствует основание деления этого права. Кроме того, изложенное понимание многосубъектности создает новые перспективы для разработки и других теоретических проблем гражданского правоотношения, а также для решения практических вопросов осуществления и защиты гражданского права и выполнения корреспондирующих ему юридических обязанностей.

Л и т е р а т у р а

1. См.: Общая теория государства и права. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. - 1974. - Т. 2.
2. Каськ П.П. О правоотношении собственности и субъективном праве собственности//Уч. зап./Тарт. ун-т. - 1975. - Вып. 370.
3. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. - М., 1963.
4. Маслов В.Ф. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. - Харьков, 1968.
5. Зимелева М. Общая собственность в советском гражданском праве//Уч. зап./ВИЖ. - 1941. - Вып. II.
6. Маркова М.Г. Понятие и содержание права общей собственности//Очерки по гражданскому праву. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957.
7. Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. - Томск, 1977.
8. Каськ П.П. Понятие и виды отношений общей собственности//Уч. зап./Тарт. ун-т. - 1978. - Вып. 452: Проблемы совершенствования правового регулирования народного хозяйства.
9. См.: Советское гражданское право. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. - Т. I.
10. Общая теория государства и права. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. - Т. 2.

**О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ
СУБЪЕКТОВ ДОГОВОРА БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ**

Э.Л. П л о о м

Широкая программа дальнейшего подъема благосостояния советского народа, выдвигаемая партией, охватывает улучшение всех сторон жизни наших людей - потребление и жилье, культуру и отдых, условия труда и быта. При этом первостепенное значение приобретает расширение производства и улучшение качества товаров народного потребления, развитие сферы услуг /1, с. 39/. Исходя из задач, поставленных XXVI съездом и последующими пленумами ЦК КПСС, было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения" от 24 марта 1983 года № 235 /2/, которым установлены главные направления развития бытового обслуживания. В постановлении отмечается, что в целях улучшения условий жизни трудящихся осуществляются крупные мероприятия по развитию бытового обслуживания населения. Наряду с такими мероприятиями, как внедрение новых видов бытовых услуг и прогрессивных форм обслуживания, обеспечение в комплексных приемных пунктах и домах бытовых услуг приема заказов на все виды услуг, оказываемых предприятиями бытового обслуживания, необходимо совершенствование режима работы предприятий бытового обслуживания. В постановлении обращено внимание на ряд мероприятий принципиального значения. Среди них необходимо отметить, прежде всего, мероприятия по дальнейшему развитию материально-технической базы с выделением соответствующих объемов государственных капитальных вложений и по усилению работы по созданию специализированных производственных объединений по основным видам услуг, а также по строительству в республиканских центрах и крупных городах высокомеханизированных предприятий этих производственных объединений, а в других городах и районных центрах - филиалов и цехов. Словом, новые мероприятия направлены на осуществление максимально возможной специализации и концентрации производства.

В практике за последние годы осуществлен комплекс мероприятий по созданию крупных специализированных предприятий и производственных объединений и по развитию внутрисистемной кооперации при выполнении индивидуальных заказов населения. Нет сомнения в том, что в результате осуществления этой линии прирост бытовых услуг будет увеличиваться в значительной мере за счет роста производительности труда. Но служба быта обладает многими специфическими моментами, которые не позволяют автоматически использовать те приемы совершенствования организации и управления, которые вполне и эффективно применяются в промышленности. Мало того, что высокую эффективность обслуживания населения обеспечивает сочетание специализации производства с кооперацией /3, с. 39/. В процессе усовершенствования системы обслуживания важно найти такие формы организации службы быта и управления ею, которые бы, с одной стороны, способствовали наиболее полному удовлетворению спроса населения на бытовые услуги, а с другой - позволяли рационально использовать трудовые ресурсы и производственные мощности предприятий, обеспечить рентабельность их работы /4, с. 54/. Наличие названных условий в ходе достижения цели обслуживания, намеченной сторонами, предполагает точное правовое регулирование, активное проведение в жизнь эксперимента в системе бытового обслуживания. Цель эксперимента - обеспечить практическую проверку системы экономических и организационных мер, направленных на дальнейшее совершенствование хозяйственного механизма, усиление заинтересованности производственных объединений (предприятий) бытового обслуживания в повышении уровня хозяйственной деятельности и их ответственности за результаты работы по более полному удовлетворению потребностей населения в услугах. При этом эксперимент предусматривает расширение хозяйственной самостоятельности и усиление заинтересованности в конечных результатах /5, с. 13/.

Из этого вытекают сравнительно большие задачи органов обслуживания для достижения намеченных экспериментом целей в своей ежедневной практической деятельности. Анализируя положение обслуживания в настоящее время, следует отметить, что тут предполагаются ощутимые изменения, а правовое регулирование приобретает особое значение в связи с организационными изменениями в системе обслуживания.

Мы можем констатировать, что предприятия бытового об-

служивания в основном выполняют обязанности, установленные Правилами или договорами бытового обслуживания, но иногда это не удается в силу разных причин /6, с. 30/. Поэтому в литературе в качестве наиболее актуальной проблемы обоснованно выделяется возрастание роли норм права в повышении бытового обслуживания /7, с. 157/ и необходимость обеспечения четкого функционирования правового механизма в области бытового обслуживания /8, с. 44/. Большое внимание уделено также исследованию вопросов, связанных с исполнением договоров бытового обслуживания. Центральное место среди названных вопросов занимал вопрос о субъектах договора бытового обслуживания. Но особых трудностей в определении субъектов правоотношения по бытовому обслуживанию в прошлом не возникло. При простой структуре договора стороной, отдающей вещи в ремонт или переработку, либо дающей поручение на изготовление нового изделия, является гражданин, а другой стороной этого договора, берущей на себя выполнение определенной работы, являлось государственное или кооперативное предприятие бытового обслуживания населения /9, с. 40/. Так, на стороне подрядчика выступают комбинаты бытового обслуживания, фабрики, конторы, прачечные и другие самостоятельные предприятия обслуживания, действующие на началах хозрасчета и пользующиеся правами юридического лица /10, с. 9/. Несмотря на различия в именовании сторон договора общее у них то обстоятельство, что организация бытового обслуживания, заключая договор обслуживания, оказывается и непосредственным исполнителем договора, а в определенных случаях сама несет ответственность перед заказчиком, установленную законом или же договором. Такие непосредственные контакты между заказчиком и исполнителем и простая структура договорных связей между ними имели довольно много положительных моментов, обеспечивавших оперативность и непосредственность в разрешении вопросов, возникающих в ходе выполнения заказа. На такую ситуацию было ориентировано и все правовое регулирование отношений по бытовому обслуживанию — приняты правила и типовые договоры, на основе которых стороны заключили между собой соответствующий договор и выполнили его.

Но проведенные в жизнь в последние годы некоторые организационные изменения в системе обслуживания обуславливают соответствующие изменения в правовом регулировании отношений по бытовому обслуживанию. При создании производствен-

ных управлений и специализированных объединений обслуживания особое значение приобретает четкое регулирование процесса приема и выдачи заказов, выполняемых в порядке внутрисистемного кооперирования специализированными объединениями и предприятиями системы обслуживания, а также другими государственными и кооперативными организациями. Непосредственный исполнитель заказа и заказчик удаляются друг от друга, а прямые контакты между ними невозможны. Поэтому ликвидация дефектов в работе, переделка некачественной работы и т.д. организацией, принявшей и выдавшей заказы, часто невозможны /II, с. 76/.

Тартуский городской комитет народного контроля, обсудив по существу работу управления обслуживания города, пришел к выводу, что реорганизация, проведенная в прошлом году, и ныне не оказала положительного влияния на качество обслуживания, а наоборот, так как теперь заказчик и исполнитель заказа удалились друг от друга /12/. В литературе отмечается, что сегодня необходима более совершенная система производственных взаимоотношений между заказчиками и непосредственными производителями услуг, причем на центральное место выдвигается специальная территориальная организация - посредник по обслуживанию населения /3, с. III/. Но надо иметь в виду, что этот территориальный орган - производственное управление бытового обслуживания - является основным звеном службы быта города или района, обеспечивающим организацию обслуживания населения всеми видами бытовых услуг /14/. Типовым положением определяются основные задачи производственного управления. Среди них важное значение имеют соблюдение сроков выполнения заказов, обеспечение высокой культуры и организации комплексного плана обслуживания населения. Для этого на производственные управления обслуживания возложено осуществление руководства производственно-хозяйственной деятельностью подчиненных подразделений, организация приема и выдачи заказов, выполняемых в порядке внутрисистемного кооперирования специализированными объединениями и предприятиями министерства бытового обслуживания ЭССР, а также другими государственными и кооперативными организациями (п. 5 Типового положения). При этом, осуществляя через диспетчерскую службу, дома бытовых услуг, комплексные приемные пункты и выездное обслуживание сбор от населения заказов на все основные работы и бытовые услуги, производственное управление обеспечивает доставку и выдачу

заказчикам выполненных заказов, производит с ними все расчеты, несет ответственность перед заказчиком за качество и сроки выполнения заказов, сделанных как по кооперации, так и собственными силами. Тем самым определено положение производственного управления в процессе осуществления бытового обслуживания населения - оно принимает и выдает выполненные заказы, оно же и несет ответственность. В результате этого производственное управление является одним субъектом договора бытового обслуживания, то есть исполнителем в отношениях с заказчиками, гражданами. Если бы оно являлось непосредственным исполнителем заказов граждан, то отношения, возникающие между заказчиками и исполнителями, оказались бы простыми и ясными. Но так как производственное управление лишь организует обслуживание населения, возникают отношения по организации обслуживания в порядке внутрисистемного кооперирования специализированными объединениями, а также другими государственными и кооперативными организациями. Эти отношения оформляются отдельным договором, заключаемым между производственным управлением и организациями бытового обслуживания, принимающими заказы в порядке внутрисистемной кооперации. Рассматриваемые договоры заключаются на основе типового договора. Согласно п. 1.2 производственное управление как заказчик обязано решать конфликты, возникающие между исполнителем и гражданами, и жалобы граждан. По п. 5.6 исполнитель обязан возместить заказчику расходы по утрате или порче вещи или материала в соответствии с правилами обслуживания.

Производственное управление бытового обслуживания уже длительное время работает во взаимодействии с подразделениями специализированных объединений и предприятиями министерства обслуживания и приобрело достаточный опыт. Надо отметить что у Тартуского производственного управления тоже имеется определенная практика. Нет никаких проблем, если последствия плохого обслуживания наступают по вине пунктов приема заказов, находящихся в подчинении самого производственного управления. Так, например, гр. К. предъявила производственному управлению заявление о том, что ей не вернули белье, сданное ею в приемный пункт. Комиссия, созданная управлением обслуживания, установила, что заказ был выполнен комбинатом обслуживания "Киёр" и возвращен в пункт приема, откуда он исчез. Поэтому комиссия сделала предложение уплатить гражданке К. стоимость белья в сумме 106 рублей. Прика-

зом производственного управления была оформлена выплата названной суммы. Но в практике имеется немало случаев некачественного обслуживания по вине непосредственного исполнителя заказов, переданных им для исполнения производственным управлением. Как мы убедились выше, по установленному порядку все претензии пришлось бы рассматривать и удовлетворять производственному управлению, которому потом возмещает соответствующие расходы виновный исполнитель заказов. Но практика города Тарту пошла иным путем. Так, гр. Б. 27 марта передал в приемный пункт заказов швейную машинку марки "Чайка-2" на мелкий ремонт. Из мастерской производственного объединения "Юхендус" возвратили в приемный пункт лишь корпус машины и некоторые детали с сообщением о невозможности ремонта ввиду отсутствия многих деталей. Гр. Б. обратился в Тартуское производственное управление, а последнее - в Тартуский цех производственного объединения "Юхендус" для разрешения заявления гражданина. Или другой пример. Гр. П. передал в приемный пункт ковер (1,5 x 2,2 м). В химчистке ковер чистили три раза и, наконец, испортили его. 11 июля гр. П. обратился с заявлением к производственному управлению, то - 23 июля с письмом к Тартускому цеху объединения "Кийр". Последний сообщил письмом от 6 августа о согласии возместить стоимость ковра частично. Интересна судьба разрешения следующего казуса. Гр. Т. передал 13 августа костюм в химчистку через приемный пункт по ул. Айда, а при возврате выяснилось, что костюм в ходе химчистки был испорчен. По этой причине гр. Т. отказался взять костюм и 27 августа обратился с заявлением прямо к начальнику Тартуского цеха объединения "Кийр", а копию заявления послал в Министерство обслуживания Эстонской ССР. Министерство направило 10-го сентября полученную копию для разрешения Тартускому производственному управлению. Производственное управление письмом от 19 сентября посылает копию заявления Тартускому цеху объединения "Кийр". Потом выяснилось, что гр. Т. и Тартуский цех между собой уже решили проблему, и виновный в порче костюма обещал переделать его.

Как вытекает из приведенных примеров, общим является то обстоятельство, что полученные от граждан жалобы и заявления производственным управлением города Тарту не рассматриваются, а только переадресовываются непосредственным исполнителям разных заказов, и разрешаются по существу последними организациями. Тем самым производственное управле-

ние города по собственной инициативе перенесло на исполнителя заказов свою законную обязанность разрешать заявления и жалобы на качество услуг и даже ответственность перед заказчиками. С этим согласны и сами непосредственные исполнители заказов, полученных от производственного управления. Для иллюстрации можно привести следующий пример из практики обслуживания. Гражданка А.Т. обратилась 3 июля с письмом к начальнику производственного управления обслуживания и потребовала 45 рублей за испорченную в ходе стирки куртку. Через две недели, то есть 16 июля, производственное управление направило письмо цеху производственного объединения "Кийр", где была совершена стирка. В ответ на это только 21 августа названный цех сообщил гражданке А.Т. об отказе в удовлетворении ее требования и о возможности обратиться в народный суд. При этом цех "Кийра" в своем ответе объяснил, что в данном случае спор может возникнуть лишь между "Кийр" и гражданкой А.Т., которая сдала куртку в стирку.

Из такой точки зрения вытекает, что Тартуский цех производственного объединения "Кийр" считает субъектами возникшего правоотношения себя и гражданку А.Т. Но тому обстоятельству, что договор обслуживания был заключен между производственным управлением и гражданкой А.Т., исполнитель никакого значения не придавал и считает себя носителем ответственности перед гражданином. Тем самым практика сохранила прежнюю схему, по которой заказчик все требования предъявляет непосредственно исполнителю договора. Положительным при этом является то, что все споры разрешаются между заказчиком и исполнителем оперативно и содержательно — один сделал заказ и указания, другой принял и исполнил их как специалист своего дела. Производственное управление как посредника при создании отношений практически в процессе разрешения споров оставили в стороне.

Но такая схема противозаконна. Все претензии и споры должны решать производственные управления. Но, как мы убедились, схема, предусмотренная законом, не осуществлялась и осталась неизменной. В чем же дело? Дело в том, что нет необходимых условий для действия производственного управления по некоторым его задачам. Так, например, в городе Тарту имелась полная сеть предприятий бытового обслуживания уже до создания управления обслуживания. Все заказы передавались заказчиками соответствующим предприятиям обслуживания непосредственно, все претензии предъявлялись к исполнителю

непосредственно и все споры разрешались между заказчиком и исполнителем непосредственно. И такая система полностью оправдала себя и настолько, что ее сохранили в практике даже после ее отмены. Поэтому в тех случаях, когда на определенной территории сеть обслуживания достаточно развита, где расстояния между заказчиком и предприятиями обслуживания невелики, между заказчиками и исполнителями должны сохраняться непосредственные отношения - они сами заключают и выполняют все заказы. Всякие промежуточные звенья здесь излишни. В таких случаях производственное управление может заниматься вопросами всестороннего развития и улучшения бытового обслуживания, осуществления руководства и контроля за деятельностью организации системы бытового обслуживания. Но для этого необходимо расширить права производственного управления, так как в некоторых вопросах они ограничены. Так, пункт 15 Типового положения ЭССР /14/ устанавливает, что разногласия, возникающие между производственным управлением бытового обслуживания и подразделениями специализированных объединений и предприятий Министерства бытового обслуживания ЭССР, расположенных в районе деятельности бытуправления, разрешаются совместно с руководителями специализированных объединений или предприятий, а в случае необходимости - Министерством бытового обслуживания ЭССР.

Задачи производственного управления по развитию и обеспечению осуществления бытового обслуживания большие и серьезные и помимо обязанности нести ответственность за невыполнение или некачественное выполнение бытовых услуг специализированными предприятиями и объединениями системы обслуживания. Организация эффективного и качественного выполнения бытовых услуг - это обязанность, прямо возложенная на специализированные объединения и предприятия (п. 14 Типового положения). Трудно представить положение, когда производственные управления обслуживания удовлетворяли бы все требования заказчиков и затем взыскивали бы выплаченные ими суммы с подразделений специализированных объединений и предприятий. В бесспорном порядке взыскивать эти суммы производственное управление не имеет права, и остается единственным, но малооперативный вариант - разрешать возникшие разногласия совместно с руководителями специализированных объединений и предприятий, а в случае необходимости, как предусматривает закон, - с Министерством бытового обслуживания. Нетрудно догадаться, что такие необходимости возник-

каут, и работы министерству прибавляется.

Если прямые отношения между заказчиком и исполнителем невозможны, то эффективное и качественное выполнение бытовых услуг можно и надо обеспечить иными вариантами. Среди них: возложить ответственность непосредственно на исполнителя заказа или же предусмотреть для производственного управления право взыскания выплаченных сумм с исполнителя заказа в бесспорном порядке.

Надо прямо признать недопустимость первого из названных вариантов. Здесь гражданин как заказчик не имеет договорных связей с исполнителем заказа, иногда не знает и не должен знать, кем и где конкретно исполняется его заказ. Гражданин заключил договор обслуживания с производственным управлением и поэтому все требования предъявляет к контрагенту по договору. Если сохранить схему, по которой все заказы оформляются через производственное управление, то необходимо установить для последнего право на взыскание в бесспорном порядке суммы, выплаченной заказчиком-гражданин, за невыполнение или некачественное выполнение заказов специализированными предприятиями или объединениями обслуживания. (Производственное управление удовлетворяет требования заказчиков после всесторонней и объективной проверки обстоятельств, и поэтому выплаты полностью обоснованы.) Иначе мероприятия по специализации с кооперацией производства не достигают по крайней мере цели усиления заинтересованности производственных объединений и предприятий бытового обслуживания в повышении уровня хозяйственной деятельности и их ответственности за результаты своей работы по полному и качественному удовлетворению потребностей населения в услугах. А это — цель существования системы обслуживания вообще.

Л и т е р а т у р а

1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981.
2. О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров от 24 марта 1983 г. № 235// СП СССР. — 1983. — № 8.
3. Мещанкин А.А., Кобелев Н.Б. Совершенствование управления бытовым обслуживанием населения. — М.: Легкая индустрия, 1980.
4. Закарая Т.К. Управление бытовым обслуживанием населения: Административно-правовые проблемы. — М., 1982.

5. Эксперимент в системе бытового обслуживания // Экономическая газета. - 1984. - № 42.
6. Плоом Э.Л. Вопросы совершенствования правового исполнения договоров бытового обслуживания // Уч. зап. Тарт. ун-т. - 1978. - Вып. 452: Проблемы совершенствования правового регулирования народного хозяйства.
7. Гражданин и аппарат управления в СССР / Отв. ред. В.М. Дазарев. - М., 1982.
8. Еникеев Ф.Т. Об удовлетворении прав граждан в сфере абонементного обслуживания // Вопросы осуществления прав и обязанностей в развитом социалистическом обществе. - Казань, 1983.
9. Прокопченко И.П. Правовые вопросы бытового подряда // Бытовое обслуживание населения: Правовые вопросы. - М., 1968.
10. Катанян Н.Т. Договор подряда с организациями бытового обслуживания. - М., 1964.
11. Плоом Э.Л. Правовое регулирование обслуживания граждан // Правовое регулирование отношений в сфере обслуживания граждан. - М., 1983.
12. Rosenfeld, M. Kuidas meid teenindatakse? // Eesti. - 22. november 1984. - nr. 268.
13. Закарая Т.К. Управление бытовым обслуживанием населения: Административно-правовая проблема. - М., 1981.
14. Типовое положение о производственном управлении бытового обслуживания: Утв. постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 30 дек. 1981 г. // ВЕС ЭССР. - 1982. - № 4. - Ст. 76.

ВИНА КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

П. А. В а р у л

Вопрос о вине в гражданском праве является спорным уже в течение многих лет. Основной объект дискуссии — каким является соотношение вины и гражданско-правовой ответственности? Решение данной проблемы в известной мере влияет и на определение понятия гражданско-правовой ответственности. В настоящей статье сделана попытка рассмотреть некоторые дискуссионные вопросы вины в гражданском праве в аспекте ее взаимосвязи с гражданско-правовой ответственностью.

Для начала необходимо определить понятия обоих исследуемых явлений — вины в гражданском праве и гражданско-правовой ответственности.

Так как определение понятия вины в законодательстве отсутствует, то уже и в этом вопросе мнения в некоторой степени расходятся. Вину определяют или только через ее формы — умысел и неосторожность правонарушителя, без уточнения ее родового понятия /1, с. 40; 2, с. 320; 3, с. 72/, или как психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его результатам /4, с. 185 и сл.; 5, с. 528/. При втором подходе формами вины также считаются умысел и неосторожность. Таким образом, оба подхода все же принципиально друг от друга не отличаются. Думается, что сущность вины тут удачно раскрыта. Хочется лишь подчеркнуть то, что точнее было бы говорить о вине не просто как о психическом отношении правонарушителя к невыполнению своих правовых обязанностей, а как об отрицательном, негативном отношении к правомерному поведению /6, с. 375/, в котором выражается в то же время и внутренняя, психическая оценка правонарушителем своего поведения и его результатов.

Проблема определения понятия гражданско-правовой ответственности является одной из сложнейших в науке гражданского права, и ее специальный анализ в рамках данной статьи не представляется возможным. Отметим лишь, что гражданско-правовая ответственность понимается нами как осуждение со

стороны государства поведения субъекта гражданского права, не соответствующего требованиям гражданско-правовых норм или договоров. Данное осуждение заключается либо в лишении определенного субъективного права данного субъекта, либо в наложении на него дополнительной юридической обязанности.¹

Вина и гражданско-правовая ответственность связаны посредством правовых обязанностей. Надлежащее исполнение субъектами установленных правовых обязанностей является, несомненно, ценностью для государства и оценивается им положительно, а неисполнение и ненадлежащее исполнение, наоборот, — отрицательно. Оценки государства и самих субъектов правовых обязанностей могут совпадать или расходиться. Правовая ответственность налицо только в том случае, если оценка государства относительно исполнения правовых обязанностей отличается от соответствующей оценки самого субъекта. Само собой разумеется, что речь идет об объективной форме выраженной оценки, воплощенной в государственных актах и в реальном поведении субъектов права, а не только в их внутренних убеждениях. В этом смысле следует согласиться с положением, по которому вина может рассматриваться лишь в единстве с противоправностью,² хотя вина и противоправность — это разные по своему содержанию и значению понятия /4, с. 187/.

Такова наша исходная методологическая позиция подхода к взаимосвязи вины и гражданско-правовой ответственности. По существу это означает отрицание возможности существования гражданско-правовой ответственности без наличия вины правонарушителя. Но данная точка зрения, несмотря на определенное распространение в гражданско-правовой литературе /14, с. 9 и сл.; 15, с. 88 и сл.; 24, с. 193-194; 28, с. 9 и сл.; 30, с. 9-17/, отнюдь не является единственной и господствующей концепцией по вопросу соотношения гражданско-правовой ответственности и вины правонарушителя. Вопрос данного соотношения весьма спорен. Кроме вышеуказанной существуют еще две ос-

¹Основанием определения данного понятия является проведенный нами сравнительный анализ сущности и структуры социальной, правовой и гражданско-правовой ответственности /7, с. 47-50; 8, с. 7-11; 9, с. 88-101/.

²Под противоправностью нами понимается нарушение правовых предписаний, содержащихся в правовых нормах или в договорах.

новые концепции по этой проблеме. Это концепция "двух начал" и концепция "исключения".

Сторонники концепции "двух начал" гражданско-правовой ответственности в равной мере считают возможными как виновную, так и безвиновную ответственность /I, с. 36-37; IO, с. 170/, или же видят в безвиновной ответственности даже более положительную форму ответственности /II, с. 50/. Данная концепция подвергалась справедливой критике, и некоторые авторы позднее сами отказались от нее /I2, с. 145/. Концепция "двух начал" в конечном счете приводит к признанию причинения основанием правовой ответственности и тем самым противоречит тенденции развития творческой инициативы в советском обществе.

Согласно более распространенной концепции, наличие гражданско-правовой ответственности, как правило, предполагает наличие вины, и только в порядке исключения может иметь место и безвиновная ответственность. В рамках данной концепции имеются определенные расхождения во мнениях авторов при обосновании необходимости такого исключения. Поскольку подобное исключение допущено несколькими гражданско-правовыми нормативными актами, то наличие безвиновной ответственности, по мнению одних авторов, не требует специального дополнительного обоснования; достаточно лишь сослаться на соответствие подобного исключения интересам потерпевшего и подчеркнуть его чисто практический характер /3, с. 89-95; 4, с. 6-7; I3, с. 3-10/. По существу в данном случае теоретическое обоснование существования так называемой безвиновной ответственности не дается. Более последовательны тут те авторы, которые видят в безвиновной ответственности вполне закономерное (хотя и исключительное) явление и пытаются ее наличие обосновать и в теоретическом плане /16, с. 48-49; 17, с. 51-57; 19, с. 163-197/. А.А. Собчак, например, различает разные виды безвиновной ответственности (ответственность владельца источника повышенной опасности, ответственность должника за действия третьих лиц, ответственность профессионального хранителя и т.д.) и обосновывает каждый из них /17, с. 55-57/. Польский ученый В. Варкалло объясняет наличие безвиновной ответственности развитием техники и необходимостью соблюдения мер безопасности /18, с. 39-41/. В пользу наличия безвиновной ответственности приводят и такие аргументы, как ее стимулирующее воздействие к определенному способу поведения, воз-

возможность статистического предвидения вредных результатов. В последнее время распространена и точка зрения о риске как основании существования безвиновной гражданско-правовой ответственности /19, с. 177-182; 20, с. 205 и сл./. Поскольку вопрос о риске сложнее, чем о других аргументах в пользу наличия безвиновной гражданско-правовой ответственности, то рассмотрим его подробнее.

В связи с разработкой проблемы риска в науке гражданского права возникают две взаимосвязанные проблемы: во-первых, что вообще понимается под понятием риска в гражданском праве и, во-вторых, каким является соотношение риска и гражданско-правовой ответственности. В отношении понятия риска мнения резко расходятся: одни авторы считают риск объективной категорией, подчеркивая, что риск - это определенная опасность (возможность) ущемления имущественных или неимущественных прав /17, с. 55; 21, с. 145; 22, с. 57; 23, с. 47; 26, с. 122-126/. Другие же видят в риске субъективную категорию, отражающую осознанное допущение вероятностных случайных обстоятельств. При этом различие риска и вины видят в том, что при риске нет противоправности, и, таким образом, нельзя говорить о негативном отношении к требованию закона /20, с. 77; 33, с. 34/. С точки зрения данной работы не представляется возможным более полный анализ понятия риска. Наиболее обоснованной, на наш взгляд, кажется трактовка риска в гражданском праве как объективной категории, отражающей опасность (возможность) возникновения убытков, относительно которых неизвестно, наступят они или нет, и которой соответствует обязанность возмещения этих убытков при определенных условиях, прямо указанных в законе. При этом не имеет значения, в чьей сфере данные убытки возникли, - в сфере собственника или нет.¹

Различным определением понятия риска обусловлено и различное понимание его связи с гражданско-правовой ответственностью. Авторы (С.Н. Братусь, В.А. Ойгензихт), рассматривающие риск как субъективную категорию, видят в ней наряду с виной другое субъективное основание гражданско-правовой ответственности - субъективное основание безвиновной от-

¹ Основательный и обоснованный анализ проблемы определения понятия риска в советской цивилистической литературе дан Т.И. Илларионовой /26, с. 116-136/, выводы которой являются основанием и нашей точки зрения в этом вопросе.

ветственности. Мнения авторов, рассматривающих риск как объективную категорию, в этом отношении в свою очередь расходятся. Так, по мнению О.А. Красавчикова, риск является основой разделения убытков. Так как здесь вины нет, то не может быть и ответственности, и причинитель вреда возмещает его потому, что на него возлагается специальный риск /21, с. 138-147/. Но ряд авторов видит в риске только основу страхования или претерпевания убытков самим собственником, то есть отрицается связь риска кроме ответственности и с другими мерами гражданско-правовой охраны /17, с. 55-57/. Такой подход кажется все же неполным, поскольку он не дает возможности обосновывать разделение убытков тогда, когда имело место их невиновное причинение и их возмещение предусмотрено законодательным порядком причинителю (например, ст. 458 ГК ЭССР и ст. 454 ГК РСФСР). По существу, такие выводы ведут к признанию безвиновной ответственности. Исходя из вышеопределенных нами понятий гражданско-правовой ответственности и риска, следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают риск одним основанием деления убытков. Точнее, риск является способом этого деления при отсутствии вины причинителя убытков, или же при их возникновении вследствие события, не связанного с человеческим поведением. Рассматривая риск как определенную обязанность нести случайно возникший ущерб, нет основания полагать, что этот ущерб непременно должен оставаться невозмещенным собственнику (потерпевшему), как будто он являлся бы единственным субъектом риска в данном случае. Это было бы излишним ограничением понятия риска и не соответствовало бы действующему законодательству (см. п. 2 ст. 141 ГК ЭССР; ст. 138 ГК РСФСР). В таком случае параллельно с понятием риска нужно использовать какое-нибудь другое понятие для обозначения основ деления случайно возникших убытков, возмещение которых возложено на другое лицо. Это означало бы обозначение явлений единого качества разными понятиями и соответствующими им терминами, что привело бы к ненужной путанице.

Таким образом, риск в гражданском праве, по нашему мнению, не может служить основанием ответственности, но в то же время может быть критерием деления невиновно возникших убытков.

В данной статье не ставилось целью отдельно анализировать каждую вышеприведенную концепцию и каждый аргумент в пользу наличия безвиновной гражданско-правовой ответствен-

ности. Более важным, с нашей точки зрения, является нахождение таких методологических критериев, на основании которых возможна общая оценка возникшей проблемы.

Проблема безвиновной ответственности возникла главным образом потому, что законодатель называет некоторые меры, применяемые за безвиновные действия гражданско-правовой ответственностью, то есть термин, на наш взгляд, оказывается не соответствующим понятию. Отмечается, что исследователь, анализируя ответственность, предусмотренную действующим правом, прежде всего обязан обратиться к закону и учесть особенности нормативных концепций, закрепленных законодательно, и что замена в данном случае одного термина другим внесет лишь разноречивую в язык юридической науки /25, с. 42/. С таким утверждением, однако, трудно согласиться. Текст закона, безусловно, является существенным объектом научного исследования, но кроме словесной стороны первостепенное значение имеет смысл закона, цели законодателя, и, к тому же, необходимость усовершенствования как самого правового регулирования, так и терминологии нормативных актов. Ссылка на законодательство в научных исследованиях является лишь одним аргументом наряду с другими, в противном случае трудно говорить о роли юридической науки в развитии права.

Проблема безвиновной гражданско-правовой ответственности может быть рассмотрена в двух плоскостях: в плоскости "правовой категории" и в плоскости "категории права" /31, с. 91-92/. Правовые категории - это категории правовой науки, то есть научные понятия, несущие в качестве одной из своих главных функций функцию познания правовых явлений. Категории права в то же время выступают как инструмент правового регулирования, как компоненты нормативной структуры. Категории права, зафиксированные в законе, являются результатом пройденного познавательного процесса и дальнейшей познавательной функцией не обладают. Но они, в свою очередь, являются объектом отражения (изучения, познания) для правовых категорий.

Понятие гражданско-правовой ответственности как правовая категория аналогично любой другой научной категории выполняет двойную роль - роль отражения действительности и роль концептуального средства познания. Определяющим критерием доброкачественности понятия гражданско-правовой ответственности является то, насколько адекватно в нем отражено соответствующее объективное правовое явление /32, с.

27/. Гражданско-правовая ответственность как категория права (то есть как фрагмент позитивного права) определяется объективными интересами правящего класса (народа) на данном этапе исторического развития. Развитие законодательства зависит в определенной степени и от того, как отражается в науке развитие категорий права. В таком случае и оказывается необходимым переступление рамок толкования только правового текста.

По нашему мнению, ориентация определения понятия гражданско-правовой ответственности только на категории права привела и к признанию безвиновной ответственности. Вышеприведенные аргументы в пользу наличия безвиновной ответственности доказывают необходимость возмещения невинно причиненного вреда и с этой точки зрения могут быть оправданными. Справедливо отмечает А.А. Собчак, что гражданское законодательство не может обойтись без установления обязанности в определенных случаях возместить невинно причиненный вред, пока общество не возьмет на себя обязанность полного возмещения подобных случайных убытков, могущих возникнуть в имущественной сфере каждого из его членов /17, с. 57/. Но в плоскости "правовой категории" первостепенное значение приобретает иной вопрос, а именно: что можно обозначить термином "гражданско-правовая ответственность", что входит в состав ее понятия? Думается, что в настоящее время в некоторых случаях в законе однозначным термином гражданско-правовой ответственности обозначены явления различного качества (например, ст. 458 ГК ЭССР; ст. 454 ГК РСФСР). На наш взгляд, виновная и так называемая безвиновная ответственность не обладают одинаковой сущностью. Если виновная ответственность направлена в первую очередь на воздействие на поведение правонарушителя, на его имущественное наказание и вслед за тем на возмещение убытков потерпевшему, то так называемая безвиновная ответственность направлена только на возмещение убытков и наказательной функции не имеет. По существу имеется дело с двумя различными явлениями, требующими различного терминологического обозначения. Обозначение разных явлений самостоятельными терминами создает ясность и в науке, и в практике. Если меры, применяемые при наличии вины, называются мерами ответственности, то меры, применяемые за безвиновное действие, целесообразно обозначать иным термином, например, "меры защиты". Меры гражданско-правовой ответственности и меры защиты гражданского права, вместе

взяты, могут быть обозначены термином "охранительные меры гражданского права". Таким образом, каждое понятие имело бы свое специфическое содержание и было бы выражено специфическим термином. Необходимость такого разграничения убедительно обосновывается многими цивилистами /26, с. 47-48; 27, с. 55-62; 28, с. 6-9; 29, с. 30-35; 30, с. 13-14/.

На основе сказанного можно сделать некоторые практические предложения. На наш взгляд, необходимо ввести в первую главу гражданских кодексов "Основные положения" отдельную статью о гражданско-правовой ответственности. Это, в свою очередь, требует изменения ст. 7 ГК ЭССР (ст. 6 ГК РСФСР). Ст. 7 ГК ЭССР (ст. 6 ГК РСФСР) "Защита гражданских прав" содержит как "меры защиты", так и "меры ответственности" без ссылки на различие в их сущности. Согласно нашему предложению, следует исключить из ст. 7 ГК ЭССР (ст. 6 ГК РСФСР) возможность взыскания неустойки (штрафа, пени), которая является типичной мерой ответственности, и установить самостоятельную статью 7^а ГК ЭССР (ст. 6^а ГК РСФСР) "Гражданско-правовая ответственность" со следующим содержанием: (1) Меры гражданско-правовой ответственности заключаются в лишении субъективных гражданских прав - взыскание полученного в доход государства, принудительное изъятие имущества, лишение задатка и т.д., или в наложении дополнительных юридических обязанностей - взыскание причиненных убытков или неустойки (штрафа, пени), - относительно лица, виновно нарушившего право или договор; (2) осуществляются меры гражданско-правовой ответственности в порядке, установленном правилами статьи 7 (6). Соответствующее дополнение следовало бы ввести и в "Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик".

Таким образом, имеется возможность достичь большей ясности в толковании норм гражданского законодательства: становится возможным точное разграничение различных правовых явлений. Без установления вышеприведенной нормы о гражданско-правовой ответственности трудно провести границу между мерами ответственности и другими гражданско-правовыми охранительными мерами, так как на основе текста закона не всегда можно провести между ними различие. Например, ст. 52 (ст. 49), ч. 2 ст. 54 (ч. 3 ст. 51), ст. 60 (ст. 58) ГК ЭССР (ГК РСФСР), где устанавливают гражданско-правовую ответственность, но выяснить это возможно только в ходе анализа содержания соответствующих норм, исходя из существенных признаков

данной ответственности. В некоторых случаях термин "ответственность" следовало бы заменить другим - в том случае, если в правовой норме по существу установлена какая-то мера защиты, но употребляется все же термин "ответственность". Например, ст. 458 ГК ЭССР (ст. 454 ГК РСФСР) "Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности", с нашей точки зрения, содержит не только меру ответственности, но прежде всего определенную меру защиты субъективного гражданского права - обязанность возместить невиновно причиненный ущерб. Следовательно, и заглавие данной статьи могло бы быть следующим: "Обязанность возместить вред, причиненный источником повышенной опасности".

И еще одно замечание в связи с необходимостью установления общей нормы гражданско-правовой ответственности. Речь идет о действующей программе курса "Советское гражданское и семейное право" и о структуре учебников по гражданскому праву. По теме "Осуществление и защита гражданских прав", входящей во II раздел "Гражданское правоотношение", ни в программе /34, с. 7-8/, ни в учебниках вообще не затронуты вопросы о гражданско-правовой ответственности и о возможном отграничении ее от иных гражданско-правовых охранительных мер. Не говорится об этом и в других общих темах о гражданско-правовой ответственности. Такие вопросы рассматриваются лишь в IV разделе программы "Обязательственное право. Общие положения" в теме "Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей" /34, с. 13-14/ и в соответствующих главах учебников. Но данная тема должна быть посвящена уже вопросам договорной ответственности за нарушение обязательств, а не общим вопросам гражданско-правовой ответственности. Последние изучаются в рамках этой темы только по необходимости, так как без предварительного разъяснения общих вопросов трудно начинать сразу с более частных. Согласно нашему предложению, общие вопросы гражданско-правовой ответственности (понятие, отличительные признаки, основания) следовало бы рассматривать в теме "Осуществление и защита гражданских прав", которую можно было бы соответственно переименовать, или же в отдельной теме, включив ее во II раздел программы. Таким образом, общие вопросы гражданско-правовой ответственности изучались бы во вступительном разделе, а отдельные проблемы договорной и внедоговорной ответственности - в соответствующих специальных разделах.

Л и т е р а т у р а

1. Флейшиц Е.А. Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право. - 1962. - № 3.
2. Новицкий И.Б., Дуниц Д.А. Общее учение об обязательстве. - М.: Госюриздат, 1950.
3. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
4. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. - М.: Юрид. лит., 1970.
5. Советское гражданское право/Отв. ред. В. П. Грибанов, С.М. Корнеев. - М.: Юрид. лит., 1979. - Т. I.
6. Советское гражданское право/Отв. ред. В.Т. Смирнов, Ю.К. Толстой, А.К. Юрченко. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. - Ч. I.
7. Барул П.А. Место гражданско-правовой ответственности в системе социальной ответственности // Проблемы совершенствования гражданского и уголовно-правового законодательства: Тез. докл. респ. научн. конф. - Вильнюс, 1979.
8. Барул П.А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой договорной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1985.
9. Барул П.А., Грязин И.Н. Некоторые характеристики правовой ответственности // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1982. - Вып. 609: Принципы ответственности в социальном управлении. - С.88-101.
10. Яичков К.К. Система обязательств из причинения вреда в советском гражданском праве // Вопросы гражданского права: Сб. статей / Под ред. И.Б. Новицкого. - Б.м.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
11. Шор Л.И. Совершенствование договорно-правовых отношений в сфере материально-технического снабжения // Советское государство и право. - 1973. - № I.
12. Яичков К.К. Рецензия на книгу: Мамутов В.К., Овсиенко В.В., Юдин В.Я. Предприятие и материальная ответственность. - Киев: Наук. думка. - 1971 // Советское государство и право. - 1973. - № 5.
13. Белякова А.М. Возмещение причиненного вреда. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
14. Брагинский М.И. К вопросу об ответственности за чужие действия по советскому гражданскому праву // Тр. ВКЦИ. - М., 1961. - Т. I.
15. Пронина М.Г. Обеспечение исполнения норм гражданского права. - Минск: Наука и техника, 1974.

16. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: Учебное пособие. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
17. Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности//Правоведение. - 1968. - № 1.
18. Баркалло В. Ответственность по гражданскому праву/Пер. с польск. - М.: Прогресс, 1978.
19. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: Очерк теории. - М.: Юрид. лит., 1976.
20. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. - Душанбе: Ирфон, 1972.
21. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. - М.: Юрид. лит., 1966.
22. Пастухин О.А. Категория риска в советском гражданском праве//Уч. тр./Свердл. юрид. ин-т.-1974.- Вып. 33: Гражданское право и способы его защиты.
23. Мезрин Б.Н. О юридической природе риска в советском гражданском праве//Уч. тр./Свердл. юрид. ин-т. - 1974. - Вып. 33: Гражданское право и способы его защиты.
24. Яковлева В.Ф. Специализация и кооперирование промышленности: Правовые вопросы. - М.: Юрид. лит., 1973.
25. Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности// Правоведение. - 1976. - № 5.
26. Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982.
27. Шевченко Я.Н. Средства защиты в гражданском праве // Советское государство и право. - 1977. - № 7.
28. Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Уч. тр./Свердл. юрид. ин-т. - 1973. - Вып. 27: Проблемы гражданской ответственности и защиты гражданских прав.
29. Стоякин Г.Я. Понятие защиты гражданских прав // Уч. тр./Свердл. юрид. ин-т. - 1973. - Вып. 27: Проблемы гражданской ответственности и защиты гражданских прав.
30. Ананьева Ж.К. О повышении воспитательного воздействия гражданско-правовой ответственности//Тр. по правоведению: Сб. статей. - Тарту, 1964.
31. Васильев А.М. Правовые категории. - М.: Юрид. лит., 1976.
32. Халфина Р.О. Критерий истинности в правовой науке// Советское государство и право. - 1974. - № 9.

33. Братусь С.Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности//Советское государство и право. - 1973. - № 4.
34. Программа курса "Советское гражданское и семейное право". Специальность - правоведение: Для юридических вузов и юридических факультетов госуниверситетов. - М.: Б.и., 1978.

**УПРАВМОЧЕННЫЙ СУБЪЕКТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА,
ВОЗНИКАЮЩЕГО ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА
МЕХАНИЧЕСКИМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ**

Д. Э. Райдла

Проблема владельца источника повышенной опасности, в частности механического транспортного средства, и обязанного субъекта обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, получила в цивилистической литературе довольно широкое освещение. Противоположное положение создано относительно другого субъекта обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, — управомоченного лица, кредитора. Некоторые проблемы, связанные с управомоченным субъектом обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, подвергаются анализу в данной статье.

Исходную точку для определения личности управомоченного субъекта дает сама ст. 458 ГК Эстонской ССР. В ней сказано, что организации и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (разрядка моя — Д.Р.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, в частности, механическим транспортным средством. В тексте закона прямо не указано, что "окружающие" могут оказаться субъектами обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. К такому выводу можно прийти только путем логического анализа текста закона. Ст. 458 ГК Эстонской ССР говорит одновременно о повышенной опасности для окружающих и об обязанности возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, использование которого и создает повышенную опасность. Под субъектами, возмещающими вред, закон, видимо, подразумевает тех лиц, относительно которых эта повышенная опасность реализовалась в имущественный вред. Следовательно, управомоченными субъектами обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механи-

ческим транспортным средством, станут те "оказующие" это средство лица, которым причиняется имущественный вред. Такие лица принято называть потерпевшими.¹ Следовательно, оказующие - это потенциальные, возможные управомоченные субъекты обязательства, возникающего вследствие причинения вреда источником повышенной опасности, в частности, механическим транспортным средством. Выясняется, что понятия "оказующие" и управомоченные субъекты обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, не тождественны и их ни в коем случае нельзя употреблять в качестве синонимов. Далекое не все оказующие механическое транспортное средство лица станут субъектами обязательства, и в то же время в практике довольно часто встречаются управомоченные субъекты обязательства, которых нельзя рассматривать как оказующих механическое транспортное средство.

На некорректность понятия "оказующие" в литературе уже указано /1, с. 97-99/ и к этой критике, по нашему мнению, надо присоединиться. Выше выявлено, что содержание понятий "оказующие" и "управомоченные субъекты обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством", можно уяснить лишь в результате довольно сложного логического анализа. Это первый существенный недостаток понятия "оказующие".

Во-вторых, содержание понятия "оказующие" отличается неопределенностью в словесном значении. Термин "оказующие" обращает внимание на лица или предметы, постоянно находящиеся в контакте с источником повышенной опасности, оказующие его. Однако именно эти лица (например, лица, обслуживающие механическое транспортное средство) исключены из круга управомоченных субъектов по ст. 458 ГК Эстонской ССР. Выходит, что в практике оказываются управомоченными субъектами в обязательстве, возникающем вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, именно те лица, кото-

¹ Потерпевшие не всегда являются оказующими механическое транспортное средство. Так, лица, имеющие право на возмещение вреда, в связи с потерей кормильца, как правило, не считаются оказующими механическое транспортное средство. Чтобы выступать в качестве оказующего механическое транспортное средство, требуется наличие определенной связи во времени и в пространстве конкретного лица с механическим транспортным средством.

рые обычно не окружают это средство, а оказываются с ним в контакте только временно, часто по совершенно случайным причинам. На самом же деле эти лица, которых закон называет окружающими, чаще всего являются посторонними по отношению к механическому транспортному средству.

В-третьих, понятие "окужающие" обращает главным образом внимание на лица, находящиеся вне механического транспортного средства. Лица, которые находятся внутри механического транспортного средства, в словесном значении как будто исключаются из числа управомоченных субъектов обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. В действительности же управомоченными субъектами обязательства часто оказываются лица, которые в момент причинения им вреда находились в транспортном средстве.

В-четвертых, нередко в качестве управомоченного субъекта обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, выступают сами владельцы таких средств, относительно которых никак невозможно предположить, что они являются окружающими (то есть посторонними) по отношению к механическим транспортным средствам как источникам повышенной опасности.

Анализ законодательства и судебной практики наводит на мысль, что, именуя субъектов, относительно которых проявляется повышенная опасность механического транспортного средства, окружающими, законодатель имеет в первую очередь в виду пешеходов, которым причиняется вред таким средством. Пешеходы из всех возможных субъектов наилучшим образом соответствуют понятию "окужающие". Однако акцентирование внимания на одном из видов возможных управомоченных субъектов обязательства кажется нам неоправданным.

Положение потерпевшего, получившего увечье или умершего в результате причинения вреда механическим транспортным средством, во многом зависит от того, является ли владелец механического транспортного средства страхователем потерпевшего или нет. Ст. 464 ГК Эстонской ССР устанавливает исключение из общего правила регулирования возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством. "Если работнику в связи с исполнением им своих трудовых (служебных) обязанностей причинено увечье или иное повреждение здоровья по в и н е (разрядка моя - Д.Р.) организации или гражданина, обязанных уплачивать за него взносы по го-

сударственному социальному страхованию, эта организация или гражданин должны возместить потерпевшему вред в части, превышающей сумму получаемого им пособия или назначенной ему после повреждения его здоровья и фактически получаемой им пенсии". В случае смерти потерпевшего право на возмещение вреда имеют указанные в законе лица на установленных условиях (ч. 2 и 3 ст. 464 ГК Эстонской ССР).

На основании этой статьи возмещается вред, причиненный механическим транспортным средством работнику, выполнившему свои трудовые (служебные) обязанности, если владелец этого механического транспортного средства обязан уплачивать за потерпевшего взносы по государственному социальному страхованию. Однако такой механизм регулирования вреда, причиненного механическим транспортным средством, ставит потерпевших от причинения вреда в неодинаковое положение в зависимости от существовавших до причинения вреда правовых связей между потерпевшим и владельцем механического транспортного средства. Более того, в неодинаковом положении оказываются потерпевшие в зависимости от того, исполнили ли они в момент причинения вреда свои трудовые обязанности.

"Если же увечье причинено работнику действием источника повышенной опасности не в связи с исполнением его трудовых обязанностей, то страхователь и перед своим работником, и перед органами соцстраха отвечает независимо от своей вины, т. е. не по ст. 91, а по ст. 90 Основ (2, с. 130). Следовательно, применяется общее правило возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством.

Обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическим транспортным средством по ст. 458 ГК Эстонской, возникает независимо от вины владельца механического транспортного средства. Обязанность возмещения вреда в соответствии со ст. 464 ГК Эстонской ССР возникает только при наличии вины организации (гражданина) - страхователя потерпевшего. "За случайное, невинное причинение ущерба рабочему или служащему предприятие при причинении ущерба здоровью не несет перед потерпевшим материальной ответственности" /3, с. 42/. Таким образом, выходит, что работники своего предприятия оказываются менее защищенными от причинения вреда механическим транспортным средством, чем чужие по отношению к этому предприятию лица. Вряд ли можно считать такое положение справедливым. Регулирование возме-

щения вреда должно быть для всех одинаковым, независимо от того, кто вносит за них взносы по социальному страхованию. Убедительным кажется нам предложение, сделанное Ж.К. Ананьевой и Э.Я. Лаасиком еще в 1961 году: "...владельцы источника повышенной опасности должны нести повышенную материальную ответственность независимо от того, является ли потерпевшим работник данного или другого предприятия" /4, с. 103/, ибо на нынешнем этапе развития нашего общества нет никаких юридико-фактических оснований для такого разграничения потерпевших от причинения вреда /4, с. 102-103/. Для иллюстрации сказанного приведем пример из судебной практики.

24 июня 1975 года в городе Валга произошло столкновение автомашин УАЗ-451, принадлежащей автобазе № 9, с трактором Т-40 Валгаской объединенной дирекции котельных и теплотрасс. Автомашиной управлял О. Ляпунов, который получил телесные повреждения.

О. Ляпунов предъявил автобазе № 9 заявление с требованием возместить ему ущерб ввиду того, что он не был виновен в аварии. Администрация и профком автобазы оставили его заявление без удовлетворения. Дело было рассмотрено в народном суде. Народный суд привлек к делу в качестве соответчика Валгаскую объединенную дирекцию котельных и теплотрасс. В решении народного суда было установлено, что О. Ляпунов был сам виноват в аварии в размере 30 %.

В соответствии со статьями 448 и 464 ГК Эстонской ССР народный суд взыскал возмещение с автобазы № 9 и Валгаской объединенной дирекции котельных и теплотрасс.

Судебная Коллегия по гражданским делам Верховного Суда Эстонской ССР нашла, что решение народного суда неправильно.

В материалах дела отсутствуют доказательства того, что О. Ляпунов виновен. Такой вывод народного суда не соответствует определению по прекращению уголовного дела.

О. Ляпунов управлял машиной, исполняя трудовые обязанности. Автобаза № 9 вносила за него страховые взносы. По ст. 464 ГК Эстонской ССР автобаза обязана возместить вред только при наличии ее вины в причинении вреда. В качестве владельца источника повышенной опасности по ст. 458 ГК Эстонской ССР автобаза не обязана возмещать вред, и наложение на нее такой обязанности решением народного суда не соответствует закону.

Валгаская объединенная дирекция котельных и теплотрасс обязана возместить О. Ляпунову весь причиненный ущерб на основании ст. 458 ГК Эстонской ССР.¹

Данное судебное решение полностью соответствует действующему законодательству. Приведенное же решение можно признать и справедливым, поскольку потерпевшему О. Ляпунову вред был возмещен полностью. Но не всегда получается именно так. Предположим, например, что на месте Валгаской объединенной дирекции котельных и теплотрасс выступал бы гражданин - владелец механического транспортного средства. В таком случае в первую очередь не реализуется относительно гражданина - владельца механического транспортного средства принцип справедливости, который, например, Г.А.Свердлик считает одним из основополагающих принципов советского гражданского права в целом /7, с. 74/. Чем объяснить наложение обязанности возмещения вреда только на одно лицо, когда оба совместно причинили его потерпевшему и ни один из них не виновен в его причинении?

Относительно потерпевшего в описываемой ситуации может не реализовываться принцип полного возмещения вреда. В соответствии с ч. 2 ст. 462 ГК Эстонской ССР суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, в зависимости от его имущественного положения. Отсюда вытекает опасность для потерпевшего лишиться части возмещения.

Согласно действующему законодательству потерпевший может и вовсе остаться без возмещения. Например, автомашина, принадлежащая социалистической организации, наедет на исполняющего трудовые обязанности работника той же организации на улице. В случае отсутствия вины организации в таком наезде обязательство по возмещению вреда не возникает. Выходит, что гражданское законодательство предпочитает "чужих" для организации потерпевших, а не "своих", чего нельзя не признать недостатком законодательства.

На этот недостаток законодательства обращает внимание О.А. Красавчиков, хотя его трактовка отличается определенной непоследовательностью. Он полагает, что для квалификации действия администрации по ст. 91 Основ необходимо, чтобы потерпевший относился к числу лиц, непосредственно

¹ Аналогичные решения встречаются и в других делах /6/.

обслуживающих данный источник повышенной опасности. Если это не так, потерпевший является посторонним и возмещение вреда должно иметь место в порядке ст. 90 Основ независимо от того, является ли он штатным работником предприятия, стажером, практикантом или же его связь с организацией определяется трудовым соглашением /1, с. III/. Для такого вывода действующее законодательство не дает оснований. В качестве предложения по изменению законодательства высказанное О.А. Красавчиковым кажется малоубедительным. Его мотивация своей точки зрения /1, с. II2-II5/ не учитывает одного обстоятельства: источник повышенной опасности потому таковым и является, что несмотря на принятие всех основных мер он остается не полностью подконтрольным человеку. Это его качество выражается и в отношении обслуживающих его лиц. Кроме того, довольно трудно решить вопрос, кого из работников считать обслуживающим источник повышенной опасности, а кого нет. Имея в виду вышесказанное, мы считаем предложение О.А. Красавчикова недостаточным для решения анализируемой проблемы.

Некоторая тенденция к регламентации одинаковых условий обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством независимо от того, является ли потерпевший работником предприятия, обнаруживается в новейших законодательных актах.

Так, в "Правилах возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой", утвержденных постановлением Государственного Комитета СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС от 22 декабря 1961 года /8/, было установлено, что организации несут материальную ответственность за ущерб, причиненный рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья во время следования к месту работы и с работы на транспортном средстве организации, только при наличии вины организации в причинении вреда. В настоящее время в п. 24 ныне действующих "Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденных постановлением Совета Министров СССР от 3 июля 1964 года № 690 /9, с. I28/, установлено, на наш взгляд, совершенно правильное положение, согласно которому в случае увечья или

инного повреждения здоровья, полученного рабочим или служащим во время следования к месту работы и с работы на транспорте, предоставляемом организацией, последняя несет материальную ответственность перед потерпевшим на основании ст. 90 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Как отмечает Р.З. Лившиц, "... на эти случаи распространен льготный для потерпевших режим ответственности владельца источника повышенной опасности /10, с. 127/. В этом правильном по содержанию положении не полностью отражается наша точка зрения решения проблемы правового регулирования описанных случаев возмещения вреда, причиненного механическим транспортным средством. По нашему мнению, надо было дополнительно установить следующее правило: "В случае увечья или иного повреждения здоровья, полученного рабочим или служащим в связи с исполнением им трудовых обязанностей и причиненного источником повышенной опасности, организация - владелец этого источника обязана возместить причиненный вред на основании ст. 90 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик". Разумеется, высказанное предполагает введение соответствующего изменения как в Основы, так и в гражданские кодексы союзных республик, что, по нашему мнению, помогло бы, с одной стороны, обеспечить справедливую защиту прав граждан независимо от занимаемой ими должности, а с другой стороны, упорядочить судебную практику.

Упорядочение судебной практики является весьма важным моментом, учтенным в нашем предложении, ибо суды сталкиваются с несколькими правовыми предписаниями при решении в сущности сходных правовых споров. Во-первых, ст. 464 ГК Эстонской ССР и Правила не распространяются на случаи причинения страхователем вреда имуществу своего работника. Если, например, организацией - владельцем механического транспортного средства - причиняется этим транспортным средством вред имуществу работника из этой же самой организации, в том числе и в связи с исполнением этим работником своих трудовых заданий, то обязанность по возмещению вреда возникает на основании ст. 458 ГК Эстонской ССР. Следовательно, между одними и теми же субъектами в результате причинения вреда в одних случаях возникает обязательство по ст. 464 ГК Эстонской ССР, в других - по ст. 458 ГК Эстонской ССР.

Во-вторых, ст. 464 ГК Эстонской ССР и Правила не распространяются на возмещение вреда, причиненного механиче-

ким транспортным средством, принадлежащим колхозу, члену этого колхоза увечьем либо иным повреждением здоровья, так как обязанность возмещения вреда возникает у колхоза в соответствии со ст. 458 ГК Эстонской ССР. В свою очередь, если потерпевшим оказывается лицо, состоящее с колхозом в трудовых отношениях, подлежат применению ст. 464 ГК Эстонской ССР и Правила.

В связи с перевозкой пассажиров в литературе, а также судебной практике возникает так называемая проблема "гостя в экипаже" /II, с. 222-228; I, с. 103-104/. Под "гостем в экипаже" мы понимаем лицо, которое владелец механического транспортного средства доставляет из одной географической точки в другую безвозмездно. Безвозмездность предоставляемых "гостю в экипаже" услуг является его необходимой характеристикой. При этом индивидуальные собственники механических транспортных средств вообще не вправе оказывать другим лицам возмездные транспортные услуги, ибо эта деятельность приравнивается к извлечению нетрудовых доходов /I2, с. 118-151/. Мы предлагаем, чтобы в случае причинения вреда механическим транспортным средством лицу, которое перевозится этим транспортным средством, вред возмещался бы владельцем на общих основаниях. Следовательно, так называемый "гость в экипаже", то есть лицо, которому причиняется вред, станет управомоченным субъектом обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. Такой позиции придерживается в основном и судебная практика. Так, Калининский районный народный суд города Таллина удовлетворил на основании ст. 458 ГК Эстонской ССР иск против "Эстремрибфлота" В.А. Селезновой, которая получила телесные повреждения в ходе аварии, находясь в автомашине ответчика /I3/. Мы не считаем возможным признать приемлемой точку зрения Х. Шварца, полагающего, исходя из принципа гуманности, что в случае безвинового причинения вреда "гостю в экипаже" у владельца механического транспортного средства не возникает обязанности возмещения вреда /I4, с. 29/. Установление такого исключения из общего правила ничем не оправдано. Представляется, что поднятие проблемы "гостя в экипаже" в определенной части является вообще искусственным и что никаких содержательных особенностей в правовом регулировании возмещения причиненного ему вреда нет.

Иногда дорожно-транспортные происшествия возникают в результате столкновения механических транспортных средств

с дикими животными. При решении подобных дел судебные органы сталкиваются, с одной стороны, с проблемами определения лица потерпевшего, а с другой - с проблемами возможности возникновения обязанности владельца механического транспортного средства возместить вред и права потерпевшего требовать его возмещения. Кроме того, в результате столкновения механических транспортных средств с дикими животными часто оказываются потерпевшими и сами владельцы этих средств.

В случае причинения вреда природным объектам непременно потерпевшим субъектом является Советское государство как исключительный собственник этих объектов /15, с. 48/. В число таких объектов входят и дикие животные. В качестве субъекта, предъявляющего иски, обычно выступают охотинспекции и охотхозяйства. Поскольку в Эстонской ССР таких органов нет, то здесь в качестве субъекта-истца могут выступать лесхозы /16, с. 23/. Однако, вслед за М.И. Брагинским, мы полагаем, что перечисленные организации нельзя рассматривать в качестве потерпевших /17, с. 58/. Они не заменяют Советского государства в роли потерпевшего, несмотря на то, что предъявляют иски от имени государства /18, с. 277/.

Выявление лица потерпевшего - это решение только части проблемы. Намного сложнее ответить на вопрос, имеет ли потерпевший от гибели дикого животного вообще право на возмещение. Для иллюстрации сложности решения этого вопроса приведем пример из судебной практики. 29 апреля 1978 года гражданин А. Ефремов, следуя на своей машине "Запорожец" по Кингисеппскому шоссе, недалеко от деревни Вербино наехал на выскочившего неожиданно на дорогу лося, который в результате столкновения погиб. Истец - Госохотинспекция при Ленинградском облисполкоме - просила взыскать с А. Ефремова 500 рублей за ущерб, причиненный гибелью лося.

Решением народного суда в иске было отказано, поскольку в действиях ответчика вины не было.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Эстонской ССР, рассмотрев дело по кассационной жалобе истца, оставила решение народного суда без изменения. В определении судебная коллегия сослалась на то, что вред при данных обстоятельствах наступил в результате чрезвычайного события, внешнего по отношению к причинителю вреда, и был объективно непредотвратимым, то есть являлся непреодолимой силой. Поэтому на основании ст. 458 ГК Эстонской ССР вред

возмещению не подлежит.

На определение судебной коллегии заместитель Генерального прокурора СССР подал надзорный протест и поднял вопрос об отмене решения народного суда и определения Верховного Суда. Протест был подан в связи с тем, что в соответствии со ст. 90 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик владельцы транспортных средств при наезде на диких животных должны нести ответственность за вред независимо от наличия в их действиях вины и причинения ущерба. Появление же перед движущимся транспортом животного (лося) нельзя рассматривать как непреодолимую силу. Водитель в любом случае обязан проявлять бдительность и осторожность с тем, чтобы иметь возможность предотвратить наезд. Умысел потерпевшего по этим делам тоже не может быть принят во внимание, поскольку речь идет о диких животных.

Президиум Верховного Суда Эстонской ССР 26 августа 1981 года рассмотрел это дело и оставил решение народного суда и определение судебной коллегии по гражданским делам без изменения. При этом Президиум Верховного Суда Эстонской ССР разъяснил, что в соответствии со ст. 458 ГК Эстонской ССР владельцы транспортных средств обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Непреодолимой силой признается чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях событие. По делу установлено, что ответчик не смог и не имел возможности остановить машину перед внезапно выбежавшим из леса лосям. Вред при данных обстоятельствах наступил в результате чрезвычайного события, внешнего по отношению к деятельности причинителя, и был объективно неустранимым. Тем самым, вред, причиненный охотничьему хозяйству гибелью дикого животного, на основании ст. 458 ГК Эстонской ССР возмещению не подлежит /19/.

Верно рассуждают Г.Н. Полянская и Л.А. Заславская, полагающие, что признание внезапного появления диких животных на автомобильных дорогах и железнодорожных путях решает проблему возмещения вреда, возникающего вследствие столкновения механических транспортных средств с дикими животными. "Такое признание освобождало бы владельца средств транспорта от ответственности за невиновный наезд на диких животных на автомобильных дорогах и давало бы основание для освобож-

дения государства от ответственности за нападение диких животных на средства транспорта" /20, с. 133/. Однако такое же разногласие, которое обнаруживалось на основании приведенного примера в юридической практике, существует и в цивилистической литературе. Одни авторы считают, что вред, причиненный охотхозяйству столкновением автомобиля с диким животным, подлежит возмещению на основании ст. 90 Основ /21, с. 115/, другие придерживаются точки зрения Г.Н.Полянской и Л.А. Заславской /22, с. 117/.

Возможность трактовки внезапного появления диких животных на автомобильных дорогах во многом зависит от концепции непреодолимой силы в целом. По концепции М.М.Агаркова, непреодолимая сила - это событие, которое не может быть предотвращено никакими мерами. В концепции М.М. Агаркова отсутствует момент относительности /23, с. 121-122/, и она в действительности сводится к объективной теории непреодолимой силы. В противовес "абсолютной концепции" многие видные цивилисты /11, с. 184; 24, с. 73/ развивают "относительную концепцию" непреодолимой силы, с которой и надо согласиться.

Непреодолимая сила характеризуется непредвиденностью, непредотвратимостью, чрезвычайностью и относительностью. При этом эти признаки наряду с их объективностью носят относительный характер. Это означает, что обстоятельства непреодолимой силы не должны быть непредотвратимыми для любых лиц, для всего общества. Для признания события непреодолимой силой нужно, чтобы любое о д н о т и п н о е (разрядка моя - Д.Р.) по роду и условиям деятельности лицо не было бы в состоянии противиться этим обстоятельствам, как верно полагает Е.А. Павлодский /25, с. 210/. Он совершенно правильно рассуждает, что ответить на вопрос, были ли случайные обстоятельства столь чрезвычайны и непредотвратимы, что их следует отнести к непреодолимой силе, можно, лишь сравнив возможности данного лица с возможностями других одностипных по роду и условиям деятельности лиц /26, с. 86/. В отношении интересующей нас проблемы это означает, что не всегда появление диких животных на автомобильных дорогах является непреодолимой силой. Мы присоединяемся к мнению С.Н. Братуся, "... что правильнее всего непреодолимой силой считать событие, исключительное по отношению к данному нормальному ходу событий и поэтому непредотвратимое даже при повышенной заботливости обязанного субъекта" /27, с. 35/.

Решение в каждом отдельном случае вопроса о том, считается ли внезапное, неожиданное появление диких животных на автомобильных дорогах непреодолимой силой, которая освобождает владельца механического транспортного средства от обязанности возмещения вреда, причиненного наездом на дикое животное, входит в компетенцию правоприменительного органа. Если из анализа обстоятельств дела выясняется, что из-за внезапности появления диких животных наезд на них был непредотвратим, видимо, существуют все основания считать такое появление непреодолимой силой, освобождающей владельца механического транспортного средства от обязанности возмещения вреда, как это предполагают Г.Н. Полянская и Л.А. Заславская /20, с. 136/. В свете сказанного Постановление Президиума Верховного Суда Эстонской ССР от 26 августа 1981 года следует признать вполне правильным и соответствующим действующему законодательству.

Резюмируя наши взгляды на анализируемый вопрос, присоединяемся к точке зрения В.Т. Смирнова и А.А. Собчака: "Представление об относительности непреодолимой силы предполагает, по нашему мнению, сначала выделение круга обстоятельств, которые вообще могут выступать в качестве непреодолимой силы, а уже затем в каждом конкретном случае воздействия на деятельность по использованию источников повышенной опасности необходима их оценка с точки зрения возможностей определенного лица" /28, с. 95/.

Мы находим, что в общем плане внезапное появление в определенных условиях диких животных на автомобильных дорогах является непреодолимой силой. В каждом отдельном случае требуется установить, имело ли место внезапное появление диких животных на дороге и освобождается ли владелец механического транспортного средства от обязанности возмещения вреда. Положительный ответ на данный вопрос означает лишение потерпевшего возмещения. Для упорядочения судебной практики в подобных делах целесообразно дать соответствующее разъяснение Верховного Суда СССР.

Л и т е р а т у р а

1. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. - М.: Юрид. лит., 1966.
2. Собчак А.А. Деликтная ответственность и страхование // Вестн. Ленингр. ун-та. - 1964. - № 17. Экономика, философия и право. - Вып. 3.

3. Караваяев В.В., Кафтановкая Г.П., Дившиц Р.З. Комментарий к правилам о возмещении ущерба, причиненного здоровью рабочих и служащих. - М.: Дрид. лит., 1970.
4. Ананьева Ж.К., Лаасик Э.Я. Об обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда//Сов. государство и право. - 1961. - № 3.
5. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР № 2-3/52 - 1979 г.
6. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР № 2-2/III - 1981 г.
7. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. - Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.
8. Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1961. - № 1.
9. Собрание постановлений Правительства СССР. - 1984. - № 24.
10. Дившиц Р.З. Новое в законодательстве о возмещении ущерба в связи с повреждением здоровья работника на производстве//Сов.государство и право. - 1985. - № 8.
11. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. - М.: Госприздат, 1952.
12. О проблематике извлечения нетрудовых доходов см., например: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
13. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР № 2-2/518 - 1984 г.
14. Шварц Х. Рец. на кн.: Майданик Л.А., Сергеева Н.Д. Материальная ответственность за повреждение здоровья. - М.: Дрид. лит., 1968//Сов. юстиция. - 1969. - № 13.
15. Кравченко С.Н. Материальная ответственность в системе охраны природы. - Киев: Выща школа, 1981.
16. Алтон Х. Животные на дороге и механические транспортные средства//Сов. право (Таллин). - 1985. - № 1.
17. Брагинский М.И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. - М.: Дрид. лит., 1981.
18. Советское гражданское право: Субъекты гражданского права/Отв. ред. С.Н. Братуев. - М.: Дрид. лит., 1984.
19. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР № 3-2/II - 1981 г.
20. Полянская Г.Н., Заславская Л.А. Возмещение вреда за гибель диких животных, причиненного средствами транспорта//Труды ВНИИСЗ. - М., 1981. - Т. 20: Проблемы совершенствования гражданского законодательства.

21. Шестерюк А.С. Вопросы кодификации законодательства об охране окружающей среды. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
22. Либа Р. Животные на дороге, механические транспортные средства и ответственность.- Сов. право. - 1984. - № 2.
23. Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности// Вопросы советского гражданского права. - М., 1945.
24. Во Всесоюзном институте юридических наук//Сов. государство и право. - 1949. - № II.
25. Павлодский Е.А. Категория непреодолимой силы в гражданском праве//Уч. зап./ВНИИСЗ. - М., 1973. - Вып. 28.
26. Павлодский Е.А. Случай и непреодолимая сила в гражданском праве. - М.: Юрид. лит., 1978.
27. Братусь С.Н. Некоторые вопросы науки гражданского права и судебной практики по гражданским делам в период Отечественной войны//Соц. законность. - 1944. - № II.
28. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.

СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ЗАГОТОВКЕ ВТОРИЧНЫХ РЕСУРСОВ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

К. Д. Ан д е с т

Эффективность народного хозяйства, его интенсификация требуют все более полного использования всех имеющихся ресурсов. Достижение высоких темпов экономического развития, интенсификация производства, улучшение условий жизни населения — все это во многом обеспечивается возрастающим потреблением и рациональным использованием топлива, сырья, энергии.

Наша страна обладает огромными ресурсами всех важнейших видов ископаемого сырья. Она является единственным в мире высокоразвитым индустриальным государством, которое базирует свое экономическое развитие на собственных ресурсах.

Металлы являются первыми из компонентов, лимитирующих развитие народного хозяйства страны. Особенность металлов заключается в том, что после прекращения службы в виде составной части конкретных объектов и перехода в лом они могут быть снова использованы как сырье для выпуска новых объектов народного хозяйства. Кроме того, не весь металл на современном уровне техники и технологии в процессе производства переходит в состав готовой продукции, некоторая часть его остается в отходах, которые могут быть также использованы в различных направлениях.

Лом и отходы образуют вторичные ресурсы черных и цветных металлов и являются важными источниками удовлетворения потребности народного хозяйства страны в металлах.

Основное количество цветных металлов используется социалистическими организациями, и поэтому у них образуется и большая часть вторичных ресурсов цветных металлов. По сравнению с социалистическими организациями у граждан вторичных ресурсов цветных металлов образуется гораздо меньше.

Договор по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов представляет собой особый вид договора поставки. Нельзя согласиться с некоторыми авторами, считающими этот договор самостоятельным хозяйственным договором, так как его основ-

ные признаки совпадают с признаками договора поставки /1, с. 10/.

Для ускорения кругооборота цветных металлов, мобилизации всех вторичных ресурсов цветных металлов в кругооборот и подготовки этих ресурсов к переплаву созданы межреспубликанские, республиканские, краевые, межобластные и областные производственно-заготовительные управления и объединения "Вторцветмет". В Эстонской ССР имеется Эстонское республиканское производственно-заготовительное управление "Вторцветмет".

Поскольку управления и объединения "Вторцветмет" занимаются заготовкой, первичной обработкой и отгрузкой вторичных ресурсов цветных металлов в районе их деятельности, они являются основными субъектами договорных отношений. Управления и объединения "Вторцветмет" заключают два вида договоров: во-первых, договоры по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов с ломосдатчиков, которые находятся в его районе деятельности и, во-вторых, договоры на поставку заготовленных вторичных ресурсов цветных металлов металлургическим заводам или другим потребителям.

В договорах по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов управления и объединения "Вторцветмет" являются одним субъектом - покупателем, а вторым субъектом - ломосдатчиком (поставщиком) выступают производственные объединения, предприятия и организации - сдатчики металлолома.

Договоры по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов заключаются между управлениями и объединениями "Вторцветмет", с одной стороны, и нижеследующими организациями, - с другой:

1) производственными объединениями, предприятиями и организациями, которые находятся в районе деятельности данного управления или объединения "Вторцветмет";

2) управлениями железных дорог, находящимися в районе деятельности данного управления или объединения "Вторцветмет", по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов с предприятий, организаций, которые находятся в ведении данного управления железных дорог;

3) заготовителями бытового лома и отходов цветных металлов, а также лома луженых консервных банок и стальных луженых флаж, которые находятся в сфере деятельности данного управления или объединения "Вторцветмет" /2, с. 3/;

4) районными или межрайонными производственными объединениями Сельхозтехники, расположенными в районе деятельности данного управления или объединения "Вторцветмет", по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов с колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций, которые находятся в районе обслуживания данного районного или межрайонного производственного объединения Сельхозтехники.

Так как заключение договора по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов с колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций особыми условиями сдачи и поставки вторичных ресурсов цветных металлов не регулируется, возникли споры, с кем следует заключить договор управлениям и объединениям "Вторцветмет".

В Эстонской ССР в 1984 году Агропромышленное объединение Эстонской ССР распределяло количество подлежащих заготовке с колхозов, совхозов и с других сельскохозяйственных предприятий и организаций вторичных ресурсов цветных металлов своим приказом № 18 от 13 января 1984 года между районными агропромышленными объединениями. Поскольку районные агропромышленные объединения являются планирующими организациями, они должны были распределить подлежащее заготовке в данном районе количество вторичных ресурсов цветных металлов между районными производственными объединениями Сельхозтехники, и последние обязаны были заключить договор с Эстонским республиканским производственно-заготовительным управлением "Вторцветмет".

В таком порядке и были заключены договоры по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов между Эстонским республиканским производственно-заготовительным управлением "Вторцветмет" и Валгаским, Вильяндским, Кохтла-Ярвеским и Хаапсалуским районными производственными объединениями Эстсельхозтехники.

Спор возник в Пярнуском районе, где имеются два районных производственных объединения Эстсельхозтехники - Пярнуское и Вяндраское. Агропромышленное объединение Пярнуского района распределяло подлежащее заготовке в Пярнуском районе количество вторичных ресурсов цветных металлов между Пярнуским и Вяндраским районными производственными объединениями Эстсельхозтехники, но Эстонское производственно-заготовительное управление "Вторцветмет" хотело заключить только один договор и предъявило в Государственный арбитраж при

Совете Министров Эстонской ССР иск к Агропромышленному объединению Пярнуского района о понуждении заключить договор и взыскании 1000 рублей. Решением арбитража от 6 марта 1984 года в иске было отказано /3/.

Агропромышленное объединение Пылваского района хотело заключить договор от своего имени, но так как оно является планирующей организацией, в заключении договора было отказано.

В Тартуском районе хотели заключить договоры с отдельными колхозами, совхозами и другими сельскохозяйственными предприятиями и организациями. Поскольку в некоторых хозяйствах образуется мало вторичных ресурсов цветных металлов, целесообразно заключить договор с районным производственным объединением Сельхозтехники. Кроме того, вторичные ресурсы цветных металлов должны быть рассортированы по видам металлов, а у многих хозяйств такой возможности нет, и делать это может только районное производственное объединение Сельхозтехники. Районные производственные объединения Сельхозтехники обязаны оказать помощь в разделке вторичных ресурсов цветных металлов и в доставке их управлениям и объединениям "Вторцветмет" или по нарядам другим предприятиям Министерства цветной металлургии СССР /4/. Учитывая вышеуказанное, было отказано в заключении договоров с отдельными колхозами, совхозами и другими сельскохозяйственными предприятиями и организациями.

Заключение договоров с отдельными хозяйствами целесообразно, если мы имеем дело с крупными колхозами, совхозами и другими сельскохозяйственными предприятиями и организациями. При возникновении спора, с кем заключить договор, арбитражи должны учитывать возможность рассортировки вторичных ресурсов цветных металлов в данном хозяйстве и его количество, образующееся в данном хозяйстве. В зависимости от конкретных обстоятельств договор должен бы заключиться или с районным производственным объединением Сельхозтехники, или с хозяйством.

В Пайдеском, Рапласком и Хийумааском районах сперва вообще отказались от заключения договора по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов.

Поскольку договоры по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов от колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций заключаются с районными производственными объединениями Сельхозтехники, послед-

ние обязаны обеспечить заготовку вторичных ресурсов цветных металлов от хозяйств. Целесообразно заключать договоры между хозяйствами и районными производственными объединениями Сельхозтехники. В нормативном порядке заключение таких договоров не урегулируется.

Вторичные ресурсы цветных металлов образуются у хозяйств в основном в результате морального устарения оборудования и из отходов при обработке металла. Поставка оборудования, сельскохозяйственной техники и металла колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям производится районными или межрайонными производственными объединениями Сельхозтехники согласно положению о поставках сельскохозяйственной техники и иных материально-технических средств колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям /5/. Районные или межрайонные производственные объединения Сельхозтехники должны на договорных началах оказывать техническую помощь колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям в разделеке вторичных ресурсов цветных металлов и в доставке их управлениям или объединениям "Вторцветмет" /4/.

По аналогии закона, можно бы заключить договоры по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов. Субъектами договора являются тогда районные или межрайонные производственные объединения Сельхозтехники - покупатель, с одной стороны, и колхоз, совхоз или другое сельскохозяйственное предприятие или объединение - ломосдатчик (поставщик), - с другой.

При заготовке некоторых видов вторичных ресурсов цветных металлов, например, аккумуляторного свинца, можно включить в договор на поставку новых деталей пункт о возврате определенного количества старых аккумуляторов или определенного количества цветных металлов. В таком случае заключение отдельного договора нецелесообразно, но надо учитывать, что такое можно делать не всегда, а только в отдельных случаях.

Районные или межрайонные производственные объединения Сельхозтехники занимаются обеспечением сельского хозяйства цветными металлами и заготовкой вторичных ресурсов цветных металлов в сельском хозяйстве, и поэтому они являются важнейшими субъектами по кругообороту цветных металлов в сельском хозяйстве.

Заготовителями бытовых вторичных ресурсов цветных металлов, а также лома луженых консервных банок и стальных луженых фляг, являются жилищно-эксплуатационные организации, которые собирают вторичные ресурсы цветных металлов, не принадлежащие предприятиям и организациям, на своей территории обслуживания. Жилищно-эксплуатационные организации собирают вторичные ресурсы цветных металлов своими силами, а также принимают их от общеобразовательных школ и граждан. Договоры с общеобразовательными школами не заключаются, правоотношений не возникает, и поэтому общеобразовательные школы не являются субъектами по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов.

Граждане не заинтересованы в сдаче бытовых вторичных ресурсов цветных металлов, а также лома луженых консервных банок и стальных луженых фляг, так как отсутствуют стимулы. Поэтому сбор вторичных ресурсов цветных металлов от населения носит стихийный характер и практически не осуществляется.

Для повышения заинтересованности населения возможны следующие мероприятия:

1) повысить цены на вторичные ресурсы цветных металлов, закупаемых у населения, и в таком случае граждане заинтересованы в их сдаче;

2) аналогично закупке других вторичных ресурсов, например, тряпок, макулатуры и т.д., взамен сдаваемого количества вторичных ресурсов цветных металлов продавать дефицитные товары, в том числе и дефицитные товары из цветных металлов.

Министерству торговли СССР уже поручено начиная с 1965 года выделять заготовительным организациям системы Госнаба СССР и потребительской кооперации необходимые фонды на товары повышенного спроса для стимулирования сдачи населением бытового лома цветных металлов через специализированные пункты приема вторичного сырья /6/.

В обоих случаях мы имеем дело с договором купли-продажи. Субъектами в обоих случаях являются жилищно-эксплуатационные организации, с одной стороны, и граждане, - с другой. В первом случае жилищно-эксплуатационные организации являются покупателями, а граждане - продавцами, во втором жилищно-эксплуатационные организации являются одновременно и покупателями, и продавцами, а граждане - одновременно и продавцами, и покупателями.

В договорах на поставку заготовленных вторичных ресурсов цветных металлов металлургическим заводам или другим покупателям управления и объединения "Вторцветмет" является одним субъектом - поставщиком, а вторым субъектом - покупателем - являются потребители вторичных ресурсов цветных металлов.

Договоры на поставку вторичных ресурсов цветных металлов заключаются между управлениями и объединениями "Вторцветмет", с одной стороны, и нижеследующими организациями, с другой:

1) с производственными объединениями, предприятиями и организациями, потребляющими вторичные ресурсы цветных металлов для переплава;

2) управлениями и объединениями "Вторцветмет", находящимися в районе деятельности потребителей.

Хотя управления и объединения "Вторцветмет" являются важнейшим звеном при заготовке вторичных ресурсов цветных металлов, ими заготавливается только часть вторичных ресурсов цветных металлов.

Та часть вторичных ресурсов цветных металлов, которая может быть использована без первичной обработки или обрабатывается первично ломосдатчиком непосредственно на местах образования, отгружается последними по нарядам "Вторцветмет" на металлургические заводы транзитом, минуя цехи и производственные участки управлений и объединений "Вторцветмет". Учет выполнения месячных планов заготовки производится в таком случае на основании отгрузочных документов, которые отправляются управлением и объединением "Вторцветмет" в копиях. Окончательная проверка выполнения планов и денежные расчеты осуществляются при получении приемосдаточных актов от металлургических заводов.

Решение об отнесении вторичных ресурсов цветных металлов конкретного ломосдатчика к цеховой или транзитной отгрузке принимает управление или объединение "Вторцветмет". Кроме того, не весь объем вторичных ресурсов цветных металлов, поступающий в цехи или на участки указанных организаций, подлежит первичной обработке.

Определенное количество заготавливаемого управлением и объединениями "Вторцветмет" по различным причинам отгружается металлургическим заводам без первичной обработки.

Это количество вторичных ресурсов цветных металлов не учитывается в выпуске товарной продукции и соответственно в

реализации в стоимостном выражении. Оно учитывается только в заготовке, отгрузке и реализации в натуральном выражении и в отчетности выделяется как "концентрация", то есть вторичные ресурсы, концентрированные для отгрузки.

Заготовительные организации переведены в промышленную группу и им установлены те же самые критерии и показатели оценки производственно-хозяйственной деятельности, что и для промышленных предприятий. Для заготовительных организаций выпуск товарной продукции находится в прямой зависимости от объема первично обработанных вторичных ресурсов цветных металлов. Для соблюдения высоких темпов роста производства продукции у заготовительных организаций один путь - увеличение первичной обработки вторичных ресурсов цветных металлов. Вместо того, чтобы вторичные ресурсы цветных металлов отгружать прямо металлургическим заводам, их отправляют в управления и объединения "Вторцветмет", где делают первичную обработку, часто символически, а затем - на металлургические заводы. Поэтому вместо действующего критерия оценки производственной деятельности надо установить новые /7, с. 143/.

В настоящее время существует порядок, согласно которому в Эстонской ССР 99 % вторичных ресурсов цветных металлов поставляется металлургическим заводам за пределы республики для переплава и лишь около 1 % этих ресурсов используется в республике. Вторичные ресурсы цветных металлов отгружаются Подольскому заводу алюминиевых сплавов, Ленинградскому объединению "Вторцветмет", Харьковскому заводу алюминиево-бронзовых сплавов и другим, в зависимости от вида и качества вторичных ресурсов цветных металлов.

Образующиеся вторичные ресурсы цветных металлов могут быть использованы на месте взамен металла, завозимого с металлургических заводов. Увеличение использования вторичных ресурсов цветных металлов можно осуществить по следующим основным направлениям:

1) использование промышленными предприятиями вторичных ресурсов цветных металлов без переплава, взамен завозимого с металлургических заводов;

2) использование вторичных ресурсов цветных металлов в литейном производстве;

3) использование вторичных ресурсов цветных металлов населением /7, с. 97-98/.

В первых двух случаях заключаются договоры поставки, где одним субъектом - поставщиком - являются управления и

объединения "Вторцветмет", вторым субъектом - покупателем - промышленные объединения, предприятия и организации.

Из огромного количества профилей металлопроката, выпускаемого металлургическими заводами СССР, в торговую сеть для населения поступает только незначительная часть, в то время как отходы почти всех применяемых профилей металлопроката поступают в управления и объединения заготовительных организаций.

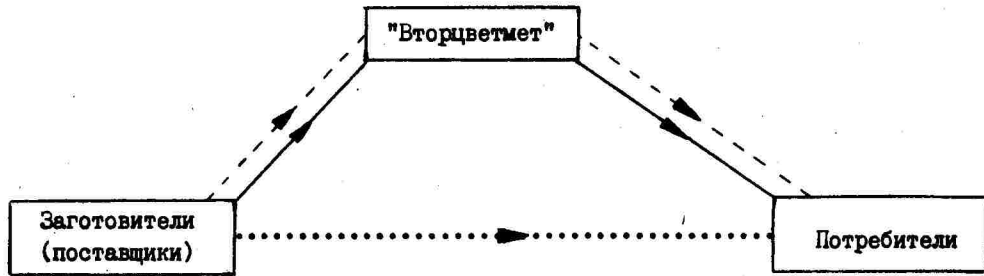
Целесообразно производить отбор деловых отходов вторичных ресурсов цветных металлов и их реализацию населению и разным мелким непромышленным предприятиям, - таким, например, как школы, пионерские кружки и т.п., которые могли бы определенное количество этих ресурсов использовать в целях профтехобучения. Организация использования вторичных ресурсов цветных металлов населением - это не только экономическая, но и социальная задача.

Начиная с 1976 года в Эстонском республиканском производственно-заготовительном управлении "Вторцветмет" организован отбор деловых вторичных ресурсов цветных металлов и их реализация населению через магазин отходов Государственного комитета по материально-техническому снабжению Эстонской ССР в г. Таллин.

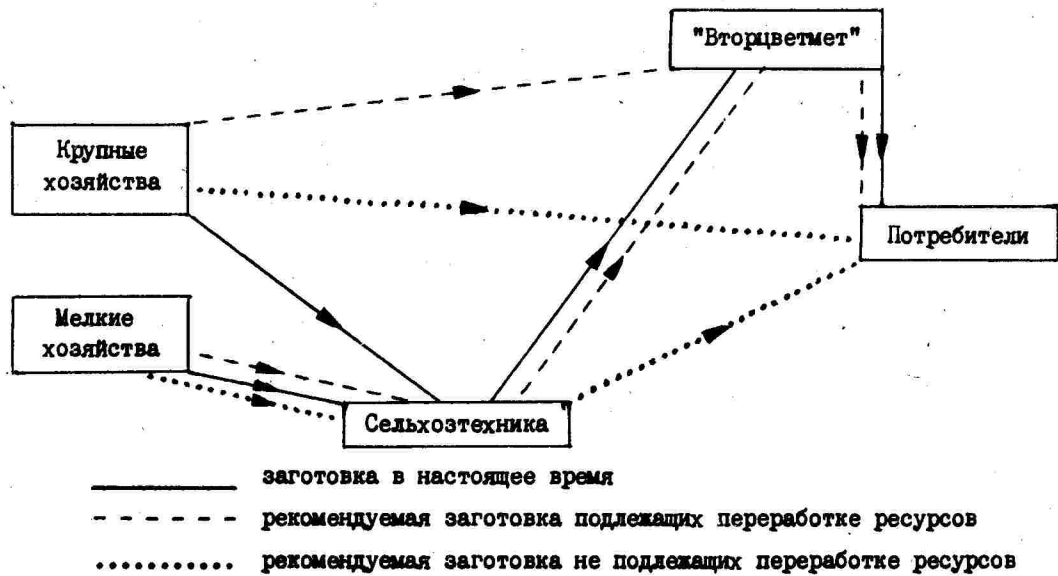
В таком случае управления и объединения "Вторцветмет" заключают договор поставки с магазином. Одним субъектом - поставщиком - является управление или объединение "Вторцветмет", вторым субъектом - покупателем - магазин.

При продаже вторичных ресурсов цветных металлов населению заключается договор купли-продажи. При этом магазин выступает в качестве продавца, а граждане - в качестве покупателя.

В заключение можно сказать, что при заготовке вторичных ресурсов цветных металлов субъектами договора являются разные социалистические организации, а также граждане, но важнейшими субъектами являются производственно-заготовительные управления и объединения "Вторцветмет", которые ведут основную организационную работу по заготовке вторичных ресурсов цветных металлов.

- заготовка в настоящее время
- - - - - рекомендуемая заготовка подлежащих переработке ресурсов
- рекомендуемая заготовка не подлежащих переработке ресурсов

Литература, нормативные материалы
и арбитражная практика

1. Мищенко Г.В. Разрешение споров, возникающих из договоров на сдачу металлолома с участием колхозов/Сов. юстиция. - 1976. - № 5.
2. Особые условия сдачи и поставки лома и отходов цветных металлов: Утв. пост. Госснаба и Госарбитража СССР от 2 августа 1976 г. № 67/128//Об утверждении особых условий сдачи и поставки лома и отходов цветных металлов. - М., 1976.
3. Решение Государственного арбитража при Совете Министров Эстонской ССР от 6 марта 1984 г. - Дело № 322-Д по иску "Вторцветмет" к Агропромышленному объединению Пярнуского района о понуждении заключить договор и взыскании 1000 руб.
4. О мерах по дальнейшему улучшению заготовки (сдачи), переработки лома и отходов цветных металлов и повышению технического уровня предприятий вторичной цветной металлургии: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 23 июля 1981 г. № 715.
5. Положение о поставках сельскохозяйственной техники и иных материально-технических средств колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям: Утв. пост. СМ СССР от 29 июня 1983 г. № 581//СП СССР. - 1983. - № 17.
6. Об улучшении использования цветных металлов в народном хозяйстве, дальнейшем развитии и повышении технического уровня вторичной цветной металлургии: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 16 января 1985 г. № 57 // СП СССР. - 1985. - № 3.
7. Хакман Ю.И. Вторичные ресурсы черных и цветных металлов и повышение эффективности их использования в Эстонской ССР: Дис. канд. экон. наук. - Таллин, 1980.

ВОПРОСЫ АВТОРСКОГО НАДЗОРА ПРОЕКТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТАДИИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Х. А. П и з у к е

В построении материально-технической базы коммунизма огромную роль играет капитальное строительство. Оно создает необходимые условия для материального производства, жизни, быта и культурной деятельности советских людей. Однако возведенные здания, сооружения, их комплексы и т.п. выполняют не только материальные, утилитарные функции. Многие из них в то же время являются произведениями архитектуры, то есть продуктами специфической духовной деятельности — искусства.

Проектная организация, в которой разработан проект здания, сооружения, их комплекса и т.п., и архитекторы заинтересованы, чтобы зафиксированные в утвержденном проекте идеи, образы и решения воплотились в материале (в натуре) без изменений. В этом заинтересовано и государство, затратившее средства на проектирование, а также на экспертирование и утверждение проекта. Государство заинтересовано также в том, чтобы непосредственные авторы проекта участвовали в процессе строительства, так как только таким образом возможно достичь наибольшего соответствия возведенного здания или сооружения утвержденному проекту. Такой формой, посредством которой социалистическое государство привело проектные организации и архитекторов к стадии строительства, служит и институт авторского надзора за строительством.

Нормативной основой осуществления авторского надзора является постановление Совета Министров от 19 января 1973 года № 47 "Об авторском надзоре проектных организаций за строительством". На основе этого постановления Госстроем СССР по согласованию с Госпланом СССР, Стройбанком СССР и Госбанком СССР 12 декабря 1973 года было утверждено Положение об авторском надзоре проектных организаций за строительством предприятий, зданий и сооружений /1/. На основании опыта проведения авторского надзора в капитальном стро-

ительстве действие этого института распространяется также на сферу капитального ремонта жилищного фонда и реставрации памятников культуры (архитектуры) /2/.

Согласно п. 3 Положения об авторском надзоре целью его осуществления проектными организациями являются: 1) обеспечение максимального соответствия технических решений и технико-экономических показателей, введенных в эксплуатацию объектов строительства, решениям и показателям, предусмотренным в утвержденных проектах; 2) повышение ответственности проектных, строительно-монтажных организаций и заказчиков за обеспечение высокого качества возводимых зданий и сооружений и соблюдение их сметной стоимости. Таким образом, по действующей редакции Положения авторский надзор направлен на обеспечение неприкосновенности технической части проекта. О необходимости сохранения архитектурно-художественных решений архитектора, воплощенных в проекте, там не упомянуто. С этим трудно согласиться.

Произведения архитектуры (здания, сооружения, их комплексы и т.п.) и произведения архитектурной графики и пластики (архитектурная часть проекта) охраняются нормами авторского права (ст. 479 ГК ЭССР) /3, с. 9-10/. В процессе строительства архитекторы реализуют и свои авторские права на созданную ими архитектурную часть проекта. Однако об авторско-правовом аспекте авторского надзора в действующей редакции Положения можно только догадываться. Он сформулирован в понятиях, не свойственных авторскому праву (контроль за соблюдением проектных решений). Поэтому в п. 3 Положения об авторском надзоре следовало бы внести дополнения о соблюдении архитектурно-художественных решений проекта и авторских прав архитекторов.

Трудно согласиться с высказанным в литературе мнением, что авторский надзор является дополнительной функцией проектной организации /4, с. 91/. Осуществление авторского надзора следует рассматривать наряду с выполнением проектных и изыскательных работ как основную функцию проектной организации /5, с. 30/.

В пункте 1 постановления Совета Министров СССР от 19 января 1973 года (п. 2 Положения об авторском надзоре) содержится перечень случаев, когда за строительством зданий, сооружений или их комплексов устанавливается авторский надзор. Критериями осуществления надзора являются: сложность строительных решений, новизна строительных конструк-

ции, материалов и технологических процессов в промышленном строительстве (надзор осуществляется по решению соответствующего министерства, ведомства и т.д.); сметная стоимость (надзор осуществляется в гражданском строительстве, когда сводная смета превышает 200 000 рублей); местонахождение строящегося объекта (в Москве или в сейсмических районах надзор осуществляется за строительством всех зданий, сооружений, их комплексов; в столицах союзных республик, в городах Ленинграде, Харькове, Свердловске, Горьком, Новосибирске - за комплексной застройкой микрорайонов и жилых кварталов); специфика здания или сооружения (надзор за строительством экспериментальных объектов).

Ограничение сферы применения авторского надзора вызвало возражения как среди архитекторов, так и правозащитников. Остаются же теперь за пределами этого важного института многие произведения архитектуры (например, гражданские здания со сметной стоимостью до 200 000 рублей и др.), участие архитектора в строительстве которых непременно отразилось бы на улучшении качества конечного результата. В ранее действовавшем законодательстве было зафиксировано, что авторский надзор проектных организаций осуществляется также за возведением зданий и сооружений, имеющих большое архитектурное значение /6/. Непонятно, почему этот важный критерий, в полной мере отвечающий сущности института авторского надзора, не нашел отражения в действующем Положении об авторском надзоре. Серьезного внимания заслуживает и предложение В.А. Расудовского установить авторский надзор помимо случаев, прямо зафиксированных в законодательстве, также по требованию заказчика /7, с. 98/. На наш взгляд, следовало бы предоставить аналогичное право требования и проектной организации во всех случаях, когда она считает это нужным. Следует обдумать также высказанное в литературе предложение о необходимости осуществления авторского надзора за сооружением любых архитектурных объектов /8, с. 2/.

Затраты на осуществление авторского надзора предусматриваются в сводной смете на строительство здания или сооружения, их комплекса. Как правило, они составляют до 0,1 или 0,2 %, а в отдельных случаях до 0,4 % от сметной стоимости строительства /9, пп. 2 и 3/. С скромными средствами, отпускаемыми для осуществления надзора, прямо определяются и возможное время проведения надзора. К примеру, в Великобритании и в некоторых других государствах архитекторы могут до 30 % рабочего

времени проводить на строительной площадке, у нас же это время составляет около одного процента /10, с. 37/. Нехватка времени и средств на осуществление надзора - серьезная проблема практиков-архитекторов /11, с. 7/.¹

В юридической литературе отсутствует единая точка зрения на сущность авторского надзора за строительством. Высказаны также разные точки зрения на отраслевую принадлежность этого института. Как известно, контроль и надзор предусматриваются нормами административного права. Авторский надзор, как специфический для архитектурной деятельности вид контроля, является разновидностью текущего контроля в стадии строительства.² Особенность этого вида контроля заключается в том, что по действующему законодательству авторский надзор осуществляется по договору, заключенному заказчиком с проектной организацией (генеральным проектировщиком) на весь период строительства здания или сооружения (п. 5 Положения об авторском надзоре). Однако договорные отношения входят уже в сферу гражданско-правового регулирования.

Высказанные в юридической литературе мнения о сущности института авторского надзора можно подразделить на три группы.

С точки зрения одних ученых, авторский надзор представляет собой специфический вид контроля в капитальном строительстве /13, с. 76; 14, с. 319; 15, с. 155, 156; 16, с. 5/, то есть является соответствующим институтом административного права.

Вторая группа правоведов рассматривает авторский надзор не только как специфический вид контроля, но и как фор-

¹ В п. 33 "в" постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 марта 1981 г. № 312 "О мерах по дальнейшему улучшению проектно-сметного дела предусматривалось увеличить расходы на служебные командировки, связанные с авторским надзором.

² В капитальном строительстве различают три вида контроля и надзора: 1) предварительный (в стадии проектирования); 2) текущий (в процессе строительства) и 3) последующий (во время приемки здания или сооружения рабочей и государственной приемочными комиссиями). Особенностью надзора является постоянство функций контроля, то есть это непрерывное наблюдение (контроль) /12, с. 269/.

му охраны проектными организациями и архитекторами (как авторами проекта) своих прав. Как правило, выделяются две функции авторского надзора: 1) выступление проектной организации в качестве государственного контролера за строительством и 2) реализация и охрана своих авторских правомочий на проект /4, с. 89-90, 91/. Иногда к ним добавляется еще третья функция: содействие заказчику в его отношениях со строительной организацией /17, с. 129-133/. Таким образом, по мнению ученых этой группы, институт авторского надзора включает в себе нормы как административного, так и гражданского права.

Третья группа ученых рассматривает авторский надзор как средство, обеспечивающее автору проекта (архитектору, а в зависимости от подхода ученого - и проектной организации) право на неприкосновенность своего производства /18, с. 108; 19, с. 104; 20, с. 165-166/ или, кроме того, право на выпуск его в свет /21, с. 15/. Договор на осуществление авторского надзора некоторые ученые этой группы считают авторским договором /21, с. 15-16; 22, с. 11/. Согласно такой точке зрения нормы, устанавливающие порядок проведения авторского надзора, следует признать гражданско-, а, точнее, - авторско-правовыми.

На наш взгляд, нельзя согласиться с учеными как первой, так и третьей групп. Их точки зрения не соответствуют ни ранее действовавшему /23/, ни ныне действующему законодательству. В настоящее время институт авторского надзора строится как комплексный институт, объединяющий в себе нормы административного (контроль), гражданского (договор) и финансового (финансирование надзора) права.

На наш взгляд, Положение об авторском надзоре предусматривает два направления авторского надзора проектных организаций за строительством: 1) контроль за процессом строительства и 2) продолжение творческого процесса в этой стадии архитектурной деятельности.

Согласно п. 4 Положения об авторском надзоре на проектные организации возложена обязанность проверить соответствие строительных работ утвержденному проекту и смете; соблюдение технологии и качества строительства, в том числе по монтажу технологического и других видов оборудования, пожарно- и взрывобезопасность на стройке, соответствие строительных материалов и оборудования государственным стандартам, техническим условиям и проекту; качество работ

по оформлению фасадов, интерьеров, благоустройству и озеленению и т.п. В качестве выполнения контрольных функций можно также рассматривать участие представителей проектных организаций в приеме заказчиком отдельных ответственных конструкций (арки, своды, подпорные стены, несущие конструкции и т.п.) и работ, скрываемых последующими работами и конструкциями (перечень таких работ указывается в договоре), и в составлении соответствующих актов. Все выявленные недостатки и пути их устранения должны быть зафиксированы в журнале авторского надзора.^I

О том, что авторский надзор можно рассматривать как продолжение творческого процесса архитекторов в стадии строительства, свидетельствуют обязанности, возложенные на проектные организации в п. 4 Положения об авторском надзоре. Так, проектная организация обязана: своевременно решать все возникающие в процессе строительства вопросы по проектно-сметной документации, вносить предложения о снижении стоимости, улучшении качества и сокращении продолжительности строительства соответствующего здания или сооружения, своевременно рассматривать предложения по указанным вопросам и при согласовании с заказчиком и строителем вносить в установленном порядке в проект уточнения и изменения. По п. 25 Положения об авторском надзоре проектная организация несет ответственность за качество проектных решений, принимаемых в процессе осуществления авторского надзора, и за своевременную и качественную разработку соответствующей проектно-сметной документации. Согласно п. 8 Разъяснения Госкомизобретений О порядке подачи заявления на рационализаторское предложение, относящееся к капитальному строительству, утвержденного постановлением от 23 марта 1978 г. № 3 (II) /24/, "...предложения работников проектных организаций, осуществляющих авторский надзор в процессе строительства по изменению проектных решений, не могут признаваться рационализаторскими". Это свидетельствует о том, что такие предложения считаются нормальным продолжением творческого процесса во время строительства.

В п. 14 Положения об авторском надзоре предусматривается, что проектные организации возлагают своим приказом осуществление авторского надзора на "авторов и соавторов проекта, главных инженеров и главных архитекторов проекта,

^I См.: Приложение к Положению об авторском надзоре.

главных специалистов организации, руководителей групп и других специалистов, о чем сообщает заказчику". Там же указано, что каждой проектной организацией для осуществления авторского надзора может быть выделен "только один автор проекта по каждому зданию, сооружению и один соавтор проекта по части проекта или виду работ". Неясно, по какому принципу выделяется этот один автор, а другие лишаются права, прямо вытекающего из их авторства. Право на осуществление авторского надзора принадлежит в равной мере всем авторам. На наш взгляд, следует установить порядок, по которому только сам авторский коллектив может решать, примут ли все его члены участие в стадии строительства или уполномочат одного либо некоторых из них.

Проектная организация и архитекторы, выполняя в стадии строительства поставленные перед ними задачи, должны иметь и соответствующие права.

Вряд ли можно согласиться с точкой зрения Д.В. Алексеева, согласно которой заказчик "... передает частично свои права проектной организации, предоставляя возможность представителю авторского надзора контролировать процесс строительства в любой его стадии" /16, с. 5/. Невозможно передать то, что отсутствует у самого заказчика. Проектная организация и архитекторы осуществляют свои права, которые им предоставлены Положением об авторском надзоре.

По п. 24 Положения об авторском надзоре осуществляющие авторский надзор лица имеют право а) запрещать применение в строительстве строительных материалов и оборудования, не соответствующих государственным стандартам, техническим условиям, проекту и т.п.; б) требовать приостановления производства отдельных видов строительных и монтажных работ: 1) выполняемых с нарушениями проекта, технических условий, правил производства строительных и монтажных работ, 2) в случаях применения дефектных и некачественных строительных материалов и оборудования, уведомляя об этом заказчика, генерального подрядчика, генерального проектировщика и соответствующие органы, осуществляющие контроль и надзор за строительством; в) вносить в соответствующие органы представления о привлечении к ответственности должностных лиц, допустивших некачественное выполнение строительно-монтажных работ.

Зафиксированные в Положении об авторском надзоре права проектной организации и архитекторов обеспечивают глав-

ным образом осуществление функции контроля. Однако надо отметить, что отсутствуют реальные гарантии осуществления этих прав. Архитекторы вправе лишь вносить в журнал авторского надзора повторную запись и сообщать об этом в письменной форме вышестоящим органам подрядчика и заказчика, а также органам, осуществляющим контроль и надзор за строительством (п. 4), и возбуждать вопрос об ответственности должностных лиц перед соответствующими органами (п.24). Совершенно отсутствуют финансовые средства влияния на строительную организацию. Действующее положение, к сожалению, отказалось от права (обязанности) проектной организации немедленно сообщать финансирующему банку о всех случаях отступления от проекта и недоброкачественно выполняемых работах. Упомянутые работы не оплачивались до устранения выявленных недостатков. И в условиях нового порядка расчетов между заказчиком и строительной организацией такое право проектной организации, по нашему мнению, имело бы важное значение.

В п. 24 Положения об авторском надзоре следовало бы также зафиксировать права архитекторов, гарантирующие благоприятные условия для продолжения творческого процесса в стадии строительства. Такими правами могли бы быть, например, право беспрепятственно посещать объекты строительства и предприятия по производству строительных материалов, право требовать от заказчика и строительной организации представления нужной документации, право принимать участие в совещаниях заказчика и строителя, где обсуждаются вопросы строительства соответствующего объекта, а также в рабочих и государственных комиссиях по приемке в эксплуатацию зданий и сооружений и т.д. В отдельном пункте Положения следовало бы также упомянуть об авторских правах архитекторов.

В более развернутом и детальном фиксировании в Положении об авторском надзоре нуждаются и вопросы ответственности проектной организации и их работников при осуществлении надзора (пп. 25 и 26), которые в действующей редакции Положения сформулированы в довольно общих чертах.

Можно согласиться с Д.Г. Басиным, что необходимо разработать и утвердить соответствующими органами (например, Госстроем СССР) типовой договор на осуществление авторского надзора /17, с. 134-135/. На практике в настоящее время используют типовой бланк договора на выполнение проектных и изыскательских работ, что нельзя считать оправданным, по-

сколько имеем дело совсем с другими отношениями.

На наш взгляд, юридическая конструкция - контроль на основании договора, где стороной договора выступает проектная организация, - не самый лучший вариант построения взаимоотношений в стадии строительства. Проектная организация, в которой разработан проект (автор проекта в целом), заинтересована в качественно возведенном здании, сооружении или их комплексе точно так же, как и другие участники этой стадии. Кроме того, возникают существенные трудности при классификации таких договоров. Признание их авторскими вызывает серьезные сомнения. Возникает вопрос, не следует ли вообще изменить отношения между проектной организацией, заказчиком и строительной организацией в процессе строительства и отказаться от авторского надзора как вида контроля?

Текущий контроль за строительством помимо проектных организаций осуществляют многочисленные органы: инспекции по качеству при строительных министерствах, застройщики (технический надзор заказчика - ч. I ст. 375 ГК ЭССР), Стройбанк СССР, управления, инспекции, инспектора государственного архитектурно-строительного контроля (Госархстройконтроля), органы Госгортехнадзора, энергетического, пожарного, санитарного надзора, главные архитекторы города и районные архитекторы сельского района и др. Многочисленность звеньев контроля (часто различной ведомственной подчиненности), отсутствие между ними взаимной связи, сходство поставленных перед ними функций, но выполнение их без предварительного планирования и согласования друг с другом ведет к дублированию, непроизводительной затрате труда и расходованию средств на его оплату. Кроме того, перечисленные контрольные органы имеют свои меры воздействия, применяемые самостоятельно, независимо друг от друга, что может привести к противоречивым решениям и предписаниям. Все это усложняет отношения в стадии строительства, ведет к снижению качества контроля и уровня ответственности как исполнителей, так и самих контролеров /25, с. 10-12/.

Так, например, право требовать приостановления производства строительных и монтажных работ закреплено за работниками проектных организаций, осуществляющих авторский надзор (ч. 2 п. 24 Положения об авторском надзоре), главным инженером, главным архитектором проекта /26, п. 3.1.3./, работниками, осуществляющими технический надзор, работниками Госархстройконтроля /27, п. 4 "з"/, главным архитектором

города /28, ч. 4 п. 6/, работниками государственного санитарного /29, п. 9 "д"/ и пожарного надзора /30, п. 8/ и др. Сходные задачи поставлены перед авторским надзором и техническим надзором заказчика.

Около 10-15 % брака в строительстве происходит из-за недоброкачественных строительных материалов /31, с. 40/, следовательно, за ними нужен контроль. Но должна ли эта техническая работа входить в обязанности проектной организации? Непонятно также, почему проектная организация должна вести надзор за пожаро- и взрывобезопасностью помещений строящихся предприятий, зданий и сооружений (ч. I п. 4 Положения об авторском надзоре), когда для этой цели созданы специальные органы контроля в системе Министерства внутренних дел (ч. 2 и 4 "е", "ж" Положения о государственном пожарном надзоре в СССР).

По нашему мнению, участие проектной организации в процессе строительства в роли государственного контролера нецелесообразно. Думается, что место проектной организации во второй стадии архитектурной деятельности должно быть иным.

В юридической литературе и литературе по архитектуре высказаны различные предложения по изменению структуры отношений в сфере капитального строительства. Одни авторы предлагают новые принципы для перестройки всей системы капитального строительства /32, с. 153-154; 33, с. 138, 144, 148/, другие же считают необходимым внести изменения в организацию процесса проектирования /34, с. 136-137; 35, с. 70-71/ или строительства /36, с. 61-62/. Так, по мнению Ю.Г. Басина, целесообразно установить порядок, по которому заказчик имел бы отношения только с одним контрагентом - крупной строительной организацией. Строительная организация выполняла бы несложные проектные работы в своих проектных организациях, а более сложные поручала бы по договору головным проектным организациям /37, с. 123-124; 32, с. 153-154/.

Некоторые авторы предлагают перестроить систему органов контроля в стадии строительства. Так, по мнению одних ученых, следует сохранить множественность контрольных органов, но создать соответствующий координационный центр /38, с. 36, 37/, а по мнению других, - необходимо сократить их до минимума. Например, Д. Алексеев предлагает создать в строительных организациях специальное звено технического

контроля (аналогичное техническому контролю в промышленности). В таком случае, по его мнению, отпадает необходимость в техническом надзоре заказчика, за банком останется только финансовый контроль, а в обязанности Госархстройконтроля будет входить лишь приемка предъявленных к сдаче законченных строительных объектов /25, с. 12/. Место авторского надзора в предлагаемых отношениях Д. Алексеев не указывает.

В нашей юридической литературе также отмечено, что институт авторского надзора за строительством должен стать "действительно авторским" /21, с. 16; 19, с. 104/. Под этим понимают освобождение проектной организации и архитекторов от чисто технических задач. Однако наделение проектной организации и архитекторов функциями чисто художественного порядка, по нашему мнению, слишком сузило бы этот институт. Нельзя забывать, что в проектной организации разработаны также конструктивные и технологические части будущего здания или сооружения. Вряд ли целесообразно устанавливать в процессе строительства параллельно два способа участия в нем проектных организаций: одну - с целью чисто художественного надзора и другую - с целью чисто технического надзора.

Высказанные в литературе предложения об изменении всей структуры отношений в капитальном строительстве заслуживают внимания. Архитекторы, работающие в проектных организациях строительных организаций, имели бы благоприятные условия непосредственно (на основании трудового договора) принимать участие в процессе строительства и осуществлять свои права на созданные ими произведения. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда строительная организация вступает в договорные отношения с проектной организацией по составлению проекта для заказчика. Думается, что интересы строительной организации не всегда совпадают с интересами заказчика, вследствие чего возможны сговоры в ущерб последнему. Некоторые трудности возникают и при конструировании "сложного многостороннего правоотношения, объединяющего в своих рамках отношения проектирования и строительного подряда /39, с. 143-144/. Не всегда за первой стадией архитектурной деятельности (проектирование) следует вторая - строительство. Проект может воплотиться в натуре спустя длительное время (объект не включают в титульные списки, строящийся объект консервируется, так называемые футурологические проекты и т.п. или

может случиться, что проект никогда не будет использован в строительстве. Типовые и экспериментальные проекты, не предназначенные для конкретных строительных площадок, а также повторно применяемые экономичные индивидуальные проекты, привязка которых к местности, как правило, осуществляется проектными организациями, не разработавшими его, также трудно включить в рамки такого единого сложного правоотношения.

И по нашему мнению, следовало бы изменить организационные основы капитального строительства, однако, прежде всего в стадии строительства. Совершенно прав Д.Г. Басин, утверждая, что "строительная организация заинтересована в том, чтобы проект не содержал ошибок, стремится к непосредственному контакту с проектантом, но между ними стоит заказчик, который перед проектантом выражает интересы строителей, а перед строителями - интересы проектировщиков, не будучи достаточно компетентным в этих вопросах" /32, с.153/. Проектная организация могла бы в стадии строительства находиться в прямых отношениях как с заказчиком, так и со строительной организацией. Такая система взаимоотношений следовало бы строить исходя из принципов гражданского права. На наш взгляд, в стадии строительства следовало бы заключить трехсторонний договор, сторонами которого являются проектная организация, организация-заказчик и строительная организация. Указанные организации имеют в процессе капитального строительства собственные интересы. В то же время они все заинтересованы в достижении единого конечного результата - возведенного здания или сооружения, их комплекса. Смысл указанного договора мы видим именно в том, что он является юридической формой, объединяющей всех участников процесса строительства для достижения единой конечной цели. Сторонам этого договора также легче координировать свои действия в стадии строительства. Такой договор мы предлагаем назвать договором о реализации (воплощении) проекта в строительстве.

Положительным моментом предлагаемого построения отношений в стадии строительства является то, что в договоре о реализации проекта в строительстве оперативно, и что главное, без нарушений прав проектной организации и архитекторов можно решать вопросы об изменениях проекта и "удешевляющих мероприятиях" в процессе строительства, до сих пор производившихся без участия проектной организации и архитекто-

ров-авторов. Таким образом, в рамках предлагаемого договора архитекторам создаются благоприятные условия для продолжения творческого процесса в стадии строительства и они получают возможность эффективнее осуществлять свои авторские права. В этом договоре следовало бы также предусмотреть взаимные меры имущественной ответственности сторон друг перед другом. Тогда проектная организация получит действенные гарантии для защиты неприкосновенности проекта, не освобождаясь в то же время от ответственности за ненадлежащее качество и ошибки проекта.

Установление предлагаемого трехстороннего договора повлекло бы за собой и соответствующие изменения в строительном законодательстве. На уровне Правительства СССР следовало бы утвердить типовой договор о реализации (воплощении) проекта в строительстве. В нем желательно указать взаимные права, обязанности и ответственность всех трех сторон договора. В том числе при раскрытии прав проектной организации следовало бы специально указать, что в процессе строительства архитекторы осуществляют и свои авторские права.

Резкая перестройка организации стадий строительства требует твердой уверенности в правильности выбранного пути. Наряду с научными исследованиями приемлемость предлагаемой конструкции может подтверждаться данными эксперимента. На первой стадии перестройки отношений (эксперимента) рекомендуется заключить договор о реализации (воплощении) проекта в строительстве наряду с договором подряда на капитальное строительство. В таком случае первый договор опосредовал бы духовный аспект процесса капитального строительства (изменение и дополнение проекта, в том числе исправление ошибок, соблюдение неприкосновенности проектных решений и т.д.), а другой договор — материальный аспект (технический процесс строительства). На основании полученного опыта можно перейти уже к заключению одного договора — договора о реализации (воплощении) проекта в строительстве.

Время строительства зданий или сооружений составляет лишь около одного процента от времени их эксплуатации /40, с. 3/. В этой стадии архитектурной деятельности нельзя идти на уступки за счет 99 % времени эксплуатации. Поэтому организационные и правовые формы на этой стадии должны быть направлены на достижение конечного результата капитального строительства — возведенного здания, сооружения, их комплекса наивысшего качества.

Л и т е р а т у р а

1. Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Юрид. лит., 1979. - Вып. 5. - С. 86-94.
2. Положение об авторском надзоре проектных организаций за проведением комплексного капитального ремонта жилых домов и объектов культурно-бытового назначения: Утв. постановлением Госстроя СССР от 30 августа 1979 г. № 158//Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Юрид. лит., 1983. - Вып. 9. - Ч. 2. - С. 81-85.
3. Лизуке Х.А. Правовое регулирование архитектурной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1984.
4. Брауде И.Л. Договоры по капитальному строительству в СССР. - М.: Госсприздат, 1952.
5. Шелестов В.С. Основные проблемы обеспечения качества продукции в хозяйственных договорах: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Харьков, 1967.
6. Положение об авторском надзоре проектных организаций за жилищным и гражданским строительством: Утв. приказом Госстроя СССР от 31 декабря 1966 г. № 261//Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Юрид. лит., 1969. - Вып. 2. - С. 213-216.
7. Рассудовский В.А. Договор на выполнение проектных и изыскательских работ в капитальном строительстве. - М.: Изд-во АН СССР, 1963.
8. Крамской В. Право, долг, ответственность// Архитектура: Приложение к Строительной газете, 1983. - № 2.
9. Приложение к постановлению Госстроя СССР от 30 мая 1973 г. № 83 Об установлении размера затрат на осуществление авторского надзора проектных организаций за строительством//Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Юрид. лит., 1979. - Вып. 5. - С. 95-96.
10. Порт М. Что увидел архитектор в Англии. - Таллин: Ээсти Раамат, 1966 (на эст. яз.).
11. Полянский А. Проблемы творческого союза//Архитектура СССР.-1982. - № 5.
12. Советское административное право//Под ред. П.Т. Василенкова. - М.: Юрид. лит., 1981.
13. Пернаровский А. Авторский надзор проектных организаций //Хозяйство и право.-1983. - № 2.
14. Советское административное право/Под ред. В.М. Манохина. - М.: Юрид. лит., 1977.
15. Чигир В.Ф. Договор подряда по капитальному строительству. - Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1958.

16. Алексеев Д.В. Правовые формы обеспечения надлежащего качества производства работ в жилищно-гражданском строительстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1968.
17. Басин Ю.Г. Проект. Строительство. Закон. - М.: Дрид. лит., 1978.
18. Райгородский Н.А. Права советского архитектора // Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1961. - № 11.
19. Шугурова М.А. Вопросы авторского права в архитектуре // Проблемы советского авторского права. - М., 1979.
20. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. - М.: Изд-во АН СССР, 1956.
21. Якуб Д.Б. Вопросы авторского права на произведения архитектуры: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Харьков, 1970.
22. Конев Л.П. Правовое регулирование проектирования в промышленности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Харьков, 1973.
23. Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Дрид. лит., 1969. - Вып. 2. - С. 208-216.
24. Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Дрид. лит., 1980. - Вып. 8. - С. 501-503.
25. Алексеев Д. Качество работ в жилищно-гражданском строительстве и его зависимость от правовых форм контроля // Сов. юстиция. - 1965. - № 21.
26. Положение о главном инженере (главном архитекторе) проекта (СНиП 1.06.04-85): Утв. постановлением Госстроя СССР от 28 июня 1985 г. № 103.
27. Положение о государственном архитектурно-строительном контроле за жилищно-гражданским строительством (Госархстройконтроле): Утв. приказом Госгражданстроя при Госстрое СССР от 14 декабря 1972 г. № 235 // Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Дрид. лит., 1983. - Вып. 9. - Ч. 2. - С. 74-80.
28. Положение о главном архитекторе города: Утв. приказом Госгражданстроя при Госстрое СССР от 14 марта 1972 г. № 34 // Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Дрид. лит., 1978. - Вып. 4. - С. 141-146.
29. Положение о государственном санитарном надзоре в СССР: Утв. постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г. № 361 // Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Дрид. лит., 1983. - Вып. 9. - Ч. 2. - С. 7-13.
30. Положение о государственном пожарном надзоре в СССР: Утв. постановлением Совета Министров СССР от 26 декабря 1977 г. № 1115 // Законодательство о капитальном строительстве. - М.: Дрид. лит., 1983. - Вып. 9. - Ч. 2. - С. 88-91.

31. Лиденко А.Г. Координация правового регулирования снабжения и качества строительства // Правовая наука Казахстана. - Алма-Ата: Изд-во.Каз.ГУ, 1978.
32. Правовое регулирование капитального строительства в СССР / Отв. ред. О.Н. Садиков. - М.: Юрид.лит., 1972.
33. Брагинский М.И. Основные направления совершенствования законодательства о капитальном строительстве // Проблемы совершенствования советского законодательства. - М., 1981 / Труды ВНИИ, вып. 19/.
34. Совершенствование советского законодательства на основе Конституции СССР. - Киев: Наук. думка, 1982.
35. Стамкулов У.М. Роль договора в регулировании качества проектно-сметной документации // Изв. АН Каз. ССР. Сер. общественных наук, 1982. - № 1.
36. Верб С.А. Структурные особенности гражданского правоотношения по капитальному строительству // Гражданские правоотношения и их структурные особенности. - Свердловск, 1975 (Сб. ученых трудов, вып. 39).
37. Басин Ю.Г. Хозяйственный расчет в проектировании и правовое положение проектных организаций // Ленинские принципы социалистического хозяйствования и правовые проблемы экономической реформы: Тез. науч. докл. и сообщений. - Свердловск, 1969.
38. Улиско А.Н. Проблемы контроля и надзора в капитальном строительстве // Хозяйство, право, управление: Межвуз. науч. сб. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. - Вып. 1.
39. Занковский С.С. Правовые аспекты проектирования в капитальном строительстве // Правовое регулирование хозяйственных отношений. - М., 1978.
40. Иые С. Промышленная архитектура - роскошь или потребность? // Сирп я Базар. - 1969. - 23 мая.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ НОВШЕСТВ

Л.И. Аувяэрт, Х.Х. Койтель, М.М. Тамм

Уже на XXIV съезде КПСС была выдвинута задача "органически соединить достижения НТР с преимуществами социалистической системы хозяйства, шире развить свои, присущие социализму формы соединения науки с производством /17, с. 57/. Эта проблема актуальна и в настоящее время. На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что "решающий, наиболее острый участок сегодня - внедрение научных открытий и изобретений. Научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы следует теснее сомкнуть - экономически и организационно - с производством" /2, с. 43/.

Чрезвычайная актуальность проблемы ускорения НТП и внедрения научно-технических достижений в народное хозяйство вызвала необходимость принятия в августе 1983 года специального постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве". В этом постановлении всесторонне проанализированы наиболее острые вопросы ускорения НТП и разработаны эффективные меры по улучшению работы в данной области /3/. Постановлением установлено, что выполнение планов и заданий по развитию науки и техники включается в число важнейших показателей, по которым прежде всего производится оценка результатов хозяйственной деятельности объединений (предприятий). В постановлении подчеркнуто также, что важнейшей задачей партийных, советских и хозяйственных органов является коренное улучшение своей работы по ускорению НТП. При этом необходимо строго руководствоваться решениями ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) пленумов ЦК КПСС по вопросам кардинального повышения производительности труда на основе широкого и ускоренного внедрения в практику достижений науки, техники и передового опыта.

Актуальность проблемы внедрения научно-технических достижений в народное хозяйство подтверждается еще и тем, что

в последнее время в нашей центральной печати появился целый ряд передовых и других статей, касающихся проблем внедрения /4; 5; 6/.

Правовой проблематике внедрения посвящены монографические исследования В. Дозорцева, М. Ринга, В. Рассудовского, В. Рассохина, Ч. Азимова и других советских юристов. В Эстонской ССР этой проблеме посвящены исследования Х. Коителя /27 и др./.

Пути внедрения научно-технических достижений могут быть различными. Рассмотрим подробнее один из них - договор внедрения, который затрагивает целый ряд интересных правовых вопросов. Внедрение научных достижений требует специальных знаний в какой-то определенной области, которые, как правило, отсутствуют у специалистов, занятых в производстве. Передача знаний и опыта научных учреждений в производство не может быть совершена иначе, как путем заключения договора.

До середины шестидесятых годов правовым вопросам внедрения технических новшеств уделяли сравнительно мало внимания. Из нормативных актов, специально посвященных регулированию этого вопроса, можно назвать: 1) Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 сентября 1968 г. № 760 "О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники" /8/; 2) Постановление Совета Министров СССР от 27 августа 1971 г. № 604 "О повышении взаимной экономической заинтересованности предприятий и организаций в передаче своих научно-технических достижений и в использовании заимствованного передового опыта" /9/. При претворении в жизнь названного последним постановлением в советском гражданском праве возник новый тип договора. Соответствующий типовый договор был утвержден Госкомитетом Совета Министров СССР по науке и технике постановлением от 31 декабря 1971 г. № 530 "Типовой договор на передачу предприятиями и организациями своих научно-технических достижений другим предприятиям и организациям и на оказание им помощи в использовании заимствованного передового опыта" /107, с. 18/. Здесь нужно сразу же сделать оговорку, что название договора довольно тяжеловесно, и этот договор, по существу, состоит как бы из двух сравнительно самостоятельных договоров: объектом одного договора является передача предприятиям и организациям научно-технических достижений,

объектом другого - их внедрение. Ниже, говоря о договоре внедрения, при отсутствии специальной сноски мы имеем в виду обе эти стороны, хотя на практике передача может происходить без внедрения и внедрение без передачи. Государственному арбитражу СССР неоднократно приходилось решать договорные споры, когда заказчик желает лишь получить информацию о научно-техническом достижении, а разработчик не соглашается давать заказчику информацию без внедрения. Так, например, Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт по очистке технологических газов, сточных вод и использованию вторичных энергоресурсов предприятий черной металлургии (ВНИИПИ черметочистка) просил институт "Совзводканалпроект" передать ему техническую документацию, сообщив при этом, что она необходима для выявления возможностей использования технического решения, изложенного в документации в собственных проектах института. Получив в ответ предложение заключить договор на передачу научно-технических достижений и опыта их использования, ВНИИПИ черметочистка сообщил "Совзводканалпроекту", что его интересует только техническая документация и он не видит необходимости в передаче опыта ее реализации /II, с. 32/.

Естественно, что указанные выше нормативные акты являются не единственными правовыми положениями, регулирующими договор внедрения. Вдобавок к ним назовем еще некоторые, наиболее важные:

1) Постановление ВСНХ СССР СМ СССР от 25 августа 1964 г. № 81 "Об улучшении системы экономического стимулирования предприятий и о повышении материальной заинтересованности работников в создании и внедрении новой техники" /12/;

2) Постановление Госкомтруда и Президиума ВЦСПС от 26 декабря 1964 г. № 597/П-27 "Положение о премировании работников предприятий и организаций за создание и внедрение новой техники" /13/;

3) Постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 8 октября 1971 г. № 425/П-21 "О внесении изменений в положение о премировании работников предприятий и организаций за создание и внедрение новой техники" /14/;

4) Методика (основные положения) определения экономической эффективности использования в народном хозяйстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений. Утверждена Постановлением ГКНТ СССР, Госпланом СССР, Госкомизобретений СССР от 4 февраля 1977 г. № 48/16/13/3./15/.

Законодатель не определил понятия внедрения. По-видимому, следует согласиться с М.П. Рингом, что это трудно сделать, а подчас и просто невозможно /16, с. 91/. Нередко понятие внедрения ставится в один ряд с понятием новой техники и ее внедрения. Это неправильно. XXVI съезд КПСС выдвинул задачу "устранить все, что делает процесс внедрения нового трудным, медленным, болезненным" /2, с. 43/. Из этого можно заключить, что сущность новой техники и прогрессивной технологии заключается в перманентном устранении и нейтрализации трудностей и препятствий, чтобы использовать результаты новых научных достижений на всех стадиях. Внедрение — это устранение всего того, что препятствует научно-техническому прогрессу. В.А. Дозорцев справедливо отмечает, что проблема внедрения связана с перемещением результатов духовного производства в сферу производства материального /17, с. 96/. Согласно § 26 Конституции СССР, "в соответствии с потребностями общества государство обеспечивает планомерное развитие науки и подготовку научных кадров, организует внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и в другие сферы жизни".

Часто встречающаяся в литературе точка зрения о том, что информация в условиях социализма является достоянием государства и вследствие этого доступна всем, по-видимому, несколько устарела. В условиях научно-технического прогресса, при небывалом возрастании скорости потока информации, доступно и понятно оформленная информация является частью производственных сил и, таким образом, все более и более становится объектом гражданско-правовых отношений. Исходя из вышесказанного, по нашему мнению, было бы всячески обосновано наличие специального договора о передаче научно-технической информации без ее внедрения. И этот договор нуждался бы в несколько иных исходных правовых положениях, чем это предусмотрено в указанном типовом договоре.

Но не все разработки, входящие в объект договора внедрения, являются изобретениями, а если и являются ими, то экономический эффект при внедрении у получателя может быть гораздо выше, чем эффект, принятый за основу при вычислении вознаграждения за изобретение.

Вышеуказанная проблема не является теоретической, она имеет чисто практический характер. Дело в том, что, как известно, оклад специалистов, занятых в науке, несколько ниже, чем у специалистов, занятых в производстве. В результа-

те этого научно-исследовательские учреждения переживают трудности при комплектовании штатов способными специалистами. Лицензионные договоры разработок были бы еще одной дополнительной возможностью стимулирования научных кадров. Кроме того, эти договоры укрепили бы связь между наукой и производством. На современном этапе, как показывают исследования, иногда случается, что гораздо дешевле снова разработать какое-то решение, чем найти информацию об уже имеющемся решении какого-либо вопроса. И здесь основная проблема заключается в том, что разработчики не заинтересованы во внедрении своих разработок.

В специальной литературе совершенно обоснованно выдвинута точка зрения о том, что договор внедрения является логическим продолжением развития законодательства о научно-технической информации /18, с. 52-59/. В настоящее время развитие законодательства в области научных исследований характеризуется комплексностью. Все более неотложной становится необходимость охватить одним договором весь творческий процесс, начиная с разработки научно-технического решения и кончая его внедрением в производство.

Исходя из приведенного выше анализа, действующее законодательство, таким образом, следовало бы дополнить в двух направлениях:

- 1) ввести так называемый комплексный типовой договор для разработки научно-технических решений, составления технической документации и внедрения ее в производство;
- 2) разработать типовые договоры для: а) передачи технической информации от одного предприятия или учреждения другому и б) внедрения переданных технических решений. До тех же пор, пока соответствующие изменения не внесены, договор о внедрении следует рассматривать таким, каким он действует в данный момент.

Одним из спорных вопросов при рассмотрении договора внедрения является объект договора. В специальной литературе идет дискуссия, не давая однозначного, определенного решения. По мнению одних авторов (А.И. Рутцкая /19, с.85-92/ и М.П. Тарновский /20, с. 95-101/), объектом договора является техническое решение или же новые или усовершенствованные средства работы, технологические процессы, предметы потребления. По мнению других, сами научно-технические идеи и решения еще не являются товаром, но они имеют внешне сходную с товаром форму /21/. Представленные точки

зрения довольно подробно комментирует С.Д. Волошко /22, с. 8-15/. Хотя мнение С.Д. Волошко и обоснованно, оно, однако, мало помогает определению объекта договора внедрения. Дело в том, что то обстоятельство, является ли техническая идея объектом договора или нет, касается договоров другого типа, таких как договор на проведение научно-исследовательской работы и договор конструкторских работ. Договор внедрения можно заключить только тогда, когда идея обрела уже определенную объективную форму. Другими словами, когда уже имеется как научно-техническая идея, так и ее принципиальное решение.

В указанном выше постановлении 1970 года министерства и ведомства обязуются принять меры к коренному улучшению внедрения технических новшеств. Министерства должны не только передавать другим министерствам и ведомствам необходимую для последних документацию о технических новинках, но и повышать качество межведомственной научной информации, тщательно изучать ее, и не позднее чем в трехмесячный срок, считая со дня поступления информации, принять решение о внедрении наиболее эффективных новшеств.

Исходя из анализа постановлений, на которые были сделаны ссылки, договор внедрения должен был бы отвечать следующим требованиям:

- 1) договор внедрения можно заключать только между организациями и предприятиями различных министерств и ведомств;
- 2) договор внедрения должен служить обмену научно-технической информацией между ведомствами;
- 3) договоры внедрения следовало бы использовать на всех уровнях народного хозяйства;
- 4) договоры внедрения должны соответствовать принципам научно-технического сотрудничества.

По нашему мнению, отсутствие единой точки зрения при определении договора внедрения обусловлено тем, что договор внедрения, как уже было отмечено выше, заключает в себе как бы два самостоятельных договора - договор о передаче информации и договор о внедрении ее в практику. Сама передаваемая информация может выступать в самых различных формах, например, в виде технической документации, модели, опытного образца и т.п. Внедрение же в практику означает предоставление определенной услуги. Таким образом, первая часть договора по своему объему схожа с договором купли-

продажи и/или с лицензионным договором, а другая - с договором подряда.

Отдельно следует остановиться на том, может ли услуга как таковая быть объектом договора внедрения или нет. На основе анализа экономической литературы С.Д. Волошко приходит к выводу, что для услуги характерно следующее: 1) услуга - это конкретная работа, полезный эффект которой таков, что его можно потреблять только в ходе действия; 2) на услугу всегда существует конкретный заказчик; 3) объектом услуги всегда является имеющийся в наличии предмет, и он принадлежит тому, кому оказывается помощь /22, с. 117/. По нашему мнению, заранее обречены на провал попытки отделить договор внедрения от других договоров по тому признаку, имеет ли услуга как объект договора творческий характер или нет. Сторонники этой точки зрения утверждают, что договор научно-исследовательской работы имеет творческий характер, а договор внедрения не имеет. Здесь нужно отметить, что в условиях научно-технической революции уже стирается грань, строго различающая творческий и нетворческий труд, как стирается и грань между трудом физического и умственного характера. Каждая работа заключает в себе элемент творчества. Это же касается и договора внедрения, но внедрение в прямом смысле слова - это творческое приспособление имеющегося к новым условиям. Без творчества нет внедрения.

По-видимому, следует согласиться с С.Д. Волошко, что предметом договора являются услуги, но все же более глубокого анализа требуют некоторые проблемы теоретического характера. Так, например, если объектом являются услуги, то мы имеем дело с одним подвидом договора подряда. Но, как известно, при договоре подряда цели сторон противоположны - одна сторона оказывает определенную услугу, а другая - платит за нее. При внедрении же наблюдается тесное сотрудничество. Именно это обстоятельство делает его близким договору сотрудничества. В то же время, как отмечает Э.Лаасик, сторонами договора сотрудничества, как правило, являются несколько субъектов; цель договора должна быть экономического характера и удовлетворять всех участников договора, при достижении общей цели наблюдается сотрудничество субъектов. Как правило, при выполнении договора в результате должен выходить один общий объект, использование которого дает субъектам доход одного и того же характера. Но этого нельзя сказать о договоре внедрения. Хотя при договоре внедрения

обе стороны заинтересованы во вводе в действие внедряемого новшества, разработчик получает доход именно за подготовку к введению новшества в действие, получатель же - за саму работу.

Довольно сложно отделить договор внедрения от договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. По договору на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы один субъект - организация/исполнитель - обязуется выполнить в условленный срок и в соответствии с согласованными или утвержденными требованиями предусмотренную планом научно-исследовательскую, опытно-конструкторскую или технологическую работу (или несколько работ вместе) и передать ее (результат) другому субъекту - организации-заказчику в условленный срок, а заказчик обязуется сотрудничать с исполнителями в целях достижения результата, принять работу (результат) и оплатить ее стоимость /23, с. 220-221; 24, с. 20-21/.

Главным различием между договором внедрения и названными договорами на научно-исследовательские работы является то, что при договоре внедрения то, что подлежит внедрению, введению в действие, уже имеется в наличии. А при договорах на научно-исследовательские работы это еще предстоит создать. Понятие договора на научно-исследовательские работы как бы шире, его конечным этапом могут стать предусмотренные в договоре внедрения работы.

Исходя из изложенного, мы вправе утверждать, что объектом договора внедрения являются услуги, имеющие творческий характер, которые претворяют в практику достижения науки и техники. По нашему мнению, при договоре внедрения (как, впрочем, и при других договорах) следует строго различать объект и предмет договора. Если объектом договора внедрения является услуга определенного характера, то предметом договора внедрения - определенное решение, которому придана объективная форма. Но в какой степени при этом должен проявляться элемент творчества, где верхняя и нижняя границы? На этот вопрос дает достаточно ясный ответ Методическое руководство по применению в вузах Типового договора, утвержденное заместителем министра высшего и среднего специального образования СССР 30 декабря 1982 года, где отмечается, что предметом договора могут быть такие прикладные разработки, как: 1) специальное технологическое оборудова-

ние; 2) контрольно-измерительные устройства, аппаратура и специальные приборы; 3) нестандартные агрегаты, испытательные стенды; 4) средства автоматизации, механизации, сигнализации и управления; 5) технологические процессы; 6) оригинальные конструкции и элементы сооружений; 7) специальные машины, установки, транспортные средства; 8) системы и подсистемы организации и управления; 9) пакеты прикладных программ на ЭВМ; 10) новые способы исследования и проектирования. Хотя это в названном руководстве не указано, данный перечень еще не является исчерпывающим и его следовало бы расширить. Но уже в таком виде перечень предметов не совпадает с перечнем новшеств, могущих стать изобретением или рационализаторским предложением. Если изобретением и рационализаторским предложением могут быть лишь новшества технического характера, то предметом договора внедрения - и решения организационного характера, и другие решения. Так, на наш взгляд, не противозаконно, а наоборот, желательно заключать, например, договор на внедрение производства птиц новой породы заводским способом. На это принципиальное и важное обстоятельство мы не нашли ссылок в специальной литературе. Дело в том, что расширение предмета договора позволяет расширить и арсенал методик для вычисления экономического эффекта.

В вышеуказанном методическом руководстве прямо отмечается, что предметом договора внедрения не могут быть отчеты по НИР, стандарты, нормативы, типовые методики, общие теоретические выводы и учебно-конструкторские материалы. Договор внедрения должен заключаться лишь тогда, когда передаваемая техническая документация или образец требует переработки или дополнительной доработки применительно к условиям заимствующей стороны и последняя оказывает помощь в их практической реализации.

Таким образом, предметом договора внедрения является такое новое научное и/или техническое решение, которое требует переработки или доработки для конкретного предприятия и организации, а объектом договора внедрения - те услуги, которые разработчик оказывает заказчику в связи с внедрением у него предмета договора.

Л и т е р а т у р а

1. Материалы XXIV съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1971.
2. Материалы XXVI съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1981.
3. О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР//СП СССР. - 1983.- № 24.
4. Завершать внедрением//Правда. - 1984. - 4 июля.
5. Внедрение. Научному потенциалу - эффективное использование//Правда. - 1984. - 21 июля.
6. Масштабы внедрения//Правда. - 1984. - 7 сент.
7. Койтель Х. Правовые вопросы внедрения научно-технических достижений. - Таллин, 1979 (на эст. яз.).
8. О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР 24 сентября 1968//СП СССР. - 1968.- № 18. - Ст. 122.
9. О повышении взаимной экономической заинтересованности предприятий и организаций в передаче своих научно-технических достижений и в использовании заимствованного передового опыта: Постановление СМ СССР от 27 августа 1971 г. № 604//СП СССР. - 1971. - № 16. - Ст. 118.
10. Типовой договор на передачу предприятиями и организациями своих научно-технических достижений другим предприятиям и организациям и оказание им помощи в использовании заимствованного передового опыта: Постановление Госкомитета СМ СССР по науке и технике от 31 декабря 1971 г. № 530 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. - 1983. - № 4.
11. Азимов Ч.Н. Договорные отношения в области научно-технического прогресса. - Харьков: Вища школа, 1981.
12. Об улучшении системы экономического стимулирования предприятий и о повышении материальной заинтересованности работников в создании и внедрении новой техники: Постановление ВСНХ СССР и СМ СССР от 25 августа 1964 г. № 81//СП СССР. - 1964. - № 15.- Ст. 105.
13. Положение о премировании работников предприятий и организаций за создание и внедрение новой техники: Постановление Госкомтруда и Президиума ВЦСПС от 26 декабря 1964 года № 597//П-27//Бюллетень ГК СМ СССР по вопросам труда и заработной платы.- 1972.- № 5.

14. О внесении изменений в Положение о премировании работников предприятий и организаций за создание и внедрение новой техники: Постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 8 октября 1971 № 425/П-21//Бюллетень ГК СМ СССР по вопросам труда и заработной платы. - 1971.-# 12.
15. Методика (основные положения) определения экономической эффективности использования в народном хозяйстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений. - М., 1977.
16. Ринг М.П. Хозрасчетная система создания и внедрения новой техники: Правовые проблемы. - М.: Наука, 1982.
17. Дозорцев В.А. Законодательство и научно-технический прогресс. - М., 1978.
18. Дозорцев В.А. Правовой режим научно-технических знаний//Советское государство и право. - 1973. - № 6.
19. Рутицкая А.И. Роль конструкторских разработок в техническом прогрессе//Изв. АН СССР. Серия экономическая. - 1972. - № 1.
20. Тарновский М.П. К вопросу о товарно-денежных отношениях и хозяйственном расчете в сфере научно-исследовательских и проектно-конструкторских разработок//Товарно-денежные отношения и эффективность социалистического производства. - М., 1973. - Вып. 3.
21. Сапилов Е.В. К вопросу о стоимости и потребительской стоимости продукта науки// Экономические проблемы эффективности науки.-М.: Мысль, 1971.
22. Волошко С.Д. Договор на передачу научно-технических достижений. - Харьков: Вища школа, 1978.
23. Лаасик Э. Советское гражданское право: Часть особенная. - Таллин, 1980.
24. Ринг М.П. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. - М., 1967.

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 758.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪКТОВ И ОБЪЕКТОВ ИМУЩЕСТВЕННЫХ
И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Труды по правоведению.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Вилкооли, 18.

Ответственный редактор П. Варул.

Корректор Л. Оноприенко.

Подписано к печати 24.ХI.1986.

МВ 10852.

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машиннопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 6,42. Печатных листов 6,75.

Тираж 400.

Заказ № 1041.

Цена 1 руб.

Типография ТТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.